

БИБЛИОТЕКА СОВРЕМЕННОКОВ

А 216630

С. ФЕДОРЧЕНКО

НАРОД
НА
ВОЙНЕ

“НОВАЯ МОСКВА”
1 9 2 3

1/11/11

сочинен

as
74260

А 216630

3 БИБЛИОТЕКА СОВРЕМЕННОКОВ

107-641

Ф-33.

~~А. 216630~~
СОФЬЯ ФЕДОРЧЕНКО

НАРОД НА ВОЙНЕ

178.
74418
Июл. 1953 г.
216630.

„НОВАЯ МОСКВА“

1923 г.

1964

Отпечатано в 15-й тип. „Мос-
полиграф“ „Мысль Печатника“,
Петровка 17, в колич. 5.000 экз.
Марка Издательства и обложка
работы Н. Н. Вышеславцева.
Москва. Главлит № 3367.

20 09

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Материалы для этой книги собраны мною на фронте в 15—16 годах. В большинстве случаев это беседы солдат между собою.

Настоящее издание, сравнительно с первым (вышедшим в Киеве в 1917-ом году, и, в то время, почти не появившим на рынок), значительно расширено и совершенно изменено в расположении материала.

С. Федорченко.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Склонил сердце свое к горчи,
Нечего сердцу горы мять,
Нечего сердцу солнцу верить.
Подъём-то ром рини, бросил-то ром тини.
По хотению Вильгельмову,
По велению антихристову,
Понапущено войны кругом земли..
На корню хлеба война повысела,
На корню людей война повыбила...
Да спокои веков, такой не было,
Грома тяжче война, острей молоньи
Гнева Божьего, война не милостива..
Через свет ходил, люд честной губил.
Англичанин—воды мутит,
Вся моря смутил, себя попустил...
А наш то мужик—землю орал;
Землю орал—Богу маливался;
Своим потом землю едабривал,
На том поту хлеба сирапывал:
Уродясь ты хлеб, сыты по весну
Прокормлю семью, всю я родину...
А чужого русскому не надобно,
За чужой за грех война зашлась,
А мужик горбом отдувается...

— Уж ты, камень при дороженьке,
Не сбивай, не рви наши ноженьки.
Ты тяжка—высока крученька,
Не пали, не жги наши рученьки.
Уж ты, тебь густа, да калинушка,
Разомни, схолоди наши спинишки.

Ты студена вода при обочинке,
Уж ты смой, спели наши оченьки,
Куды путь ведет, серый люд идет,
А и нет пути, без пути идти,
Да не по счастье, не по радости,
А по горькое горевание,
Тела белого разорвание.

Скажи грому поб-спому—вставай гром со дном
Скажи смерти в-умольной—не кося, смерть-стоп.
Скажи красной девке по любви-млада, до сюда.
Скажи войне всеветной—пойти, война, со двора.

По подлесочку по милому у-длин-длин, у-длин-длин
По над речушкой, по над быстрою, у-жиз-жиз, у-жиз-жиз
По над мой молодой су-ббин-ушкой, у-длин-длин у-длин-длин
Уж ты пудя резвая немецкая,
Словно ласточка легка, да проходлива,
Словно ласточка та пудя поверотлива,
Что куда повернуешь, на не натернуешь
Я за куст лягу, за деревцо,
Как за деревцо под кругой бережок,
Уж ты деревцо мое зеленое
И зеленое и веселое,
Припокровь деревцо до по солдат-кую,
Припокровь голубушку поб-днуую
Припокровь руки-ноги рабочие,
Припокровь имячко нареченое,
Припокровь душеньку крещеную...

Ох, кого винить, кого грехом корить,
Ох, кабы знать нам то, кабы ведати,
Да не немцы то, не поганые,
Но австриец болгарин—продана душа
Да никто человек не виновен войне,
Сама война с того света пришла,
Сама война и покончится...

— Об бцм жажко содаты, что у пст, бжора на пчтах.
Ох, дабы да только руки—ноги, тбодл-бы б сд чаты, выр
главу добывал.

— Вот тебе картинка, старик, сдох Вот Сагаар, т рла
вмню в руке, ровно збдоцко з стовое. А сям поверх пст, т
смотре нязатидеся, да и протятел, что воина, тому зб чку,
ровно чериль, в ю самую срелку повеяло.

-- Что воина... Куницы проторгованы, с нас шкуру трут

— Протрелся Илья, не протрелось. Кож, протит, комм
нб, колеть, ровно суха дрова, где старому перетрмн.

— Сидиш тихонько, пританись, и там тихо. А потом кр
да стреляют. Кто почал, и не знаю. Вот и ризаны. По в тно
крови много убито. И больше то, ни на чг не ршуд, ни блан
Скушно как то стало, а не го что страх...

— Ох, рывт, ну больно, ну перенес, и лив. Ешь, н
в свою мру, с людами говоривш, сам человек... А вот, дтв
немца много надо порбить... Нет хуже газы, коринг дон, бо
лен так, что и души уж нет... Радости никак, ни паче чк
Что хуже...

— Люблю и драку, и драку, и в каждом, и в дн, и м
века... Люблю по заповедю Христона, тбодл суд, нелетим.
И в библн война была. Христос с воинми бсегодн, и бс
говат. Много твот на змтю нмучен, не т, нмучен сем.
В т тбна и пришло. А ны жмн хорош, рсг трмя. Вот да
убиты не стронто, прхалот. А прсч, так прсч, с тт
жил...

— И чтону в ству, так у мнн нмучи, с тбодл бо свт
нмнны. Все свтло, а ничто на змтю нмуче. В дн, нм
дело вят, а тт стонно на небо делншь. Ни а зн, н лон
и нмного те домншь. Почлн, что само, у мнн хор, с
робжешы. Лушь, нмнн, и не было.

— Почн, ты врат, ни стову я вает, таков хд, сн
т рю, сн, првде, врат, а стару, не к тому, в бн, к

с дь. А что бы сердце играло, того и нет. И не горю. А боль и бывает, так у озорников у одних...

— У нас четверо рассужку ливились на войне. Думаю, по страху ботыше. Один на себя видение все ждал. Видит видение бобышек-то. Много, плачет и все его ищут... Меривыи он, будто он кричит, что здесь моты, а они не слышат, и с молитвой по земле бредят. И плачут, а он горько сохнет...

— Разбито все тело, глаза вытек, память пропадет. И ревизоры уж тогда в себя пришли. Да сразу за и вязку хвать "книжки" где глаза мои, где глаза мои... Не помню, кто гласал, что того ненавижу и до того темно да больно, смерти прошу.

— Вот что я удивляюсь все как ни себя солдаты знакомы. А францы стыдятся. Уж как солдаты-озорники есть, он все все срады улицы с удовольствием промывает — а только постоят на фортеции руку — аж красна в лице. И только что ратется похабно. Господи, что притыкает равняны.

— Милые мои вят, будущи рассказывать, и ниш ниш не будут верить поди... Живут в далеке, а только у них в вены, что плачут. А тут война, друзья... Тут знают, что умираю, но на почке придет, а на людях... Много крутом люд, так делываю. А не то, что бабка один танку вдала. Нет, тебе здравь тыреть, я роду сыдыде и жизни, и смерти...

— Нет хуже для бойи ислепленного солдата. Душно, темно, боль, тьма, жара... А потом так зрелись, что хуже, больше, что сме хобили. Мистияго, а знаешь, что что-то смутно... А что? Значит, ливились и проту, лучше и немы. А тут, обом встону, а как жаль, а потом вы, а с собой ругаешься... Не барствуй...

— Неги тырели. Дух у нас тусов, спать морит — хочешь, а не можешь. Развивающиеся хранили, а бомбу проглотил. Ну, что так хитро развист. Что человек, что солда. Барствыи до того слышь, что все в тебе ровно притянуло, дрожь все слышь. Так и едася, что кровь брызнет...

Словно топь был полосом лапок скатался тощий и
вразъям местам, и собаки гоняли.

Точно ребята в зук играли. И не веришь, что так
никогда не видел: ровно в масло. А назад тащить куда хитро.
Тот толк и зеречень. Тот ровн. руками держит, что бы не та-
то разорвало, что ли. А ты штыком круть-верти: вправо-влево,
вверх-вниз. Пропахан мот, все пропадом.

Когда я в первый раз в бою был, точно ничего не помнил.
А теперь давай-то мне выжж все до точки. Очень не поутру
решилось: припалась. Ну там раня, а ни смерти, а ни калачья
не дают — не в том вся сила. Кабы мне знать, в чем толк-то
было, что паряды такие морные пер дрались. Не плачь, как за
землю. Теснога, что-ли. И того не видать.

У меня шнурить видирет: я ему тихим манером по рукам
штыком. Пустит. Вот крови-то... Я теперь очень даже просто
кровь человеку лицу. Какое такое мне теперь, эдакому то
дома дело подходящее будет, — не придумаю.

А я так иду в бой, думаю, — коли сохранил Господь жизнь
во мне, значит годен я на земле. А коли быть мне убиту — зна-
чит туда мне и дорога.

Эдакого думать, так и не страшно. А я так все думки за-
бываю. Вот как-то, до трех считать почат. Кругом никто чистое,
а я все раз-два-три да раз-два-три. И на носилках несли так
все считал.

Вот человек был, все удивлятель. Все умел, машину ка-
кую-то хитро поправил бывало. На войне впервой автомобиль уви-
дел, и на третью день уж штабную машину поправил: пришлое
так. Часы там, ну что угодно. И все самоулок. А уж душевный
люди, ничья беда не промисла. Где советом, где помощью.
И такого-то первой пулей убит. А думало, и заранце я такие
недобны. А уж по нашему-то беззудью: такого-то и по ранце бы
беречь, а беречь. Война на миру, что пьяны на кому, — раз-
зорит.

Ты скажи, скижи, братишка
Коль головка хороша,
Пораскинь ка ты умишком
Хуже немец, али вша?
Как нас немец убивает,
Не по малу, разом,
А как вша нас поедает,
Что лиха зараза.
Ох, не страшен супостат,
Его не боюся,
С немцем биться я бы рад
А со вшю бьюся...

На войне дали мне барышня одна конфетку, развернул
свою фамилию читаю — Абрикосов... Словно кто по имени на-
звал, так обрадовался...

Ведь я что хотел? Чтобы по-христиански, крови не про-
ливать, а на войну помощь нести... Вот удача была хорошая
попал я в отряд... Вожу, вожу, и коло лошадей хожу... Вся
работа... А во мне сердце не только к тому рвется, я ведь и тру-
соватый, и до людей жалостливый, и все почти понимаю... Пого-
ди экзамен даться, кто к чему... Другому что лошади, что ро-
вень, что кнышак, все равно... Только-бы жрать было.
А меня на большое дело надобно. Я голодать согласен, только-
бы все, что могу, доказать...

Хорошая кобыла была, как жену любил, просто зрелый
и мне охота... А палатка с утра... Ну тут с месяц, как свет,
так и тут покой... Ни работать нельзя, ничто нельзя... и то-
же и я... Грязь в земле развела, ровно сынья... Палатки со
своим, кружат, и бомбы бросает... И песок-то и грязь, и тут
и жарко, чисто пекло... Лошадей позакуют, артиллерия по на-
матривает, а стволы к нам в обоз, собирать их начальникам, сестер
барышням... Цветы держали и все говорили, красиво что цветы
а она смерть причинила... Вот и кобылке смерть причинила.
Как это огорчило, только слышу, ревет кобылка, в село рыдает
думая, что это она рдеется? Да кси... А она и глазом не по-
двигает... Это она как в панике была, что хорошо и
представилось

На своем селе теперь я
Самый первый кавалер,
Мужики то все тетура,
На геройский я манер.

Я до девок не тупошь,
Свысока их лажу,
Насмотрелся я мамзелей
Иностранных даже.

Про свою жену забыл,
Ровно неженатый,
Мне их бабьего добра
Так будто не надо.

На войне без бабы спал,
Ровно бы монашек,
А теперь ерник стал,
Хоть дочь, хоть мамашку.

Убивал я немцев много,
А врага не знаю,
По показанной дороге,
С ружьем гуляю.

Обмок в ледяной переморозил, ровно туда стал. А как
ночь пришла, морозец тихонько прихватил, но я и лишился.
Несколько много ног, тату, а слушать не служал. Разулся
такую же соню равно роду. Обморозил, пока я теперь.

Как надел я амуницию
И пошел я на позицию,
На родных теперь начхать.
Мне война, что родна мать,
Наплевать мне и на женку,
Сколько хочешь есть девченок.
Коль добром меня не схочет,
Под всей ротой похлопочет.
Пусть хозяйство пропадет,
Пуцай бабы работают,
Да на что ты мне, мамаша,
Полно брюхо хлеба-каши...

А Вильгельмова сына
Раздору я до пунка,
А Вильгельмову сестру
Под себя давно всегрю,
А Вильгельмовых-о дочек
Раздору до самых почек.
Как я крест с него сдеру,
Крестом ... отдеру...
Коли двери на запор,
Не велико это горе,
Мы казаки ровно звери,
Лезем в окна, словно в двери...
Ничего-то мне не надо,
Быва вот моя отрада,
Пропadaй ты все пропадом,
Мне Георгий есть награда...

Как турецкий то султан
Взял у немца синь кафтан.
Скинул феску, шаровары,
Пошли с немцем тары-бары.
Дай нам элата миллион,
И бери нас всех в полон.
Будем мы с тобой в союзе.
Только-б сыто было в пузе.
А Макензип капитан
Плюхо турок пропитал.
Как у турка вспухло брюхо,
И пошла у них разруха.
Ты зачем, немецкий естerva,
Нам да-шь гнилы консервы?
Хлеб да дал, что кот наплакал,
Так садись ты задом на кол.
Сел помчуга на колу.
Свесил ножки до полу.
Он не долго посидел,
За ним дьявол прилетел.
Взял Макензипа за ворот,
Потащил в пекельный город.
А уж там сидит давно,
Все немецкое г...

Коль убьют, так крест сосновый,
Коль убью—Георгий,
Хоть мальчишка я толковый,
Пьявица я горький.

Спросился я, рзршил. Сгорикаюсь, главное, стараясь,
как бы ноги поспешнее упрямля. Пошла я к вчру, свирли и
протест горной, потом там ни делал, и полз, и полз. Очнь
я хорошо знаю, где он должен быть. Вот как бы то место
пои о а погу выкого, сит крутом. Запирмено, думаю, труд
привыл, не знаю и тварант. Сел бмо пов рачивать, а и за-
дет погон человек. Сет бм, ан до он самми. Ровно вдвое
суджет, и спел. В ртку подет, и поизви палат до
В то в кого почтения пчо, к прилился

Как веселье на войне
Только в бабе да в вине.
Как геройски мы возьмем,
Будь хоть ночью, будь хоть днем.
Все затулинка обыщм,
А вина да шва сыщм.
Всяку душещкку увидим.
И старушки не обидим.
Если б бабы не видаь,
Плохо стали б воевать,
Коль без бабы, без вина,
Так какая то война...

Ничто не видно, а слышу, дышит кто-то. Сирливаю,
к отайон, срезая мол, буду... Молчит. Стал было я думать,
да некогда. Я и выстрелил...

Перели мая сбой, б рет крутицкий трепт узкая да
скь... А ол злотися. П рлю будь в нузот то в ручок
п ухит. М ля дотору ну, да божь. Он мил я я, срезая
хочу а ду. П рин тоит. Вельто хостодная да ботрая. Верно
с... расла... Раской сар... сто помчь спустит, а уж то
Харица в беде не кинет...

Нам как дома письма пишут.
Только кланяются.
Не про что ты не услышишь.
Только смеешься.

На десятом на поклоне,
Мод, сгорела хата,
С австрияком женка спит
Да ходит брюхата...

Привыкши к такому, Илья Ильич хорошо привык к пи-
санию на ходу, сرفлу брани и чуже. В доспехи только не
поубьются. Он догадался, что и к тому привыкнул и к жару.

История такая: в начале лета, когда еще не по-
ехала Лиза, Ильичу пришлось поехать в город. Он был
будущим думным дворянином. Говорят, что он был
вместе с профессором, бывшим министром.

Куда съезжал, куда ездил, а потом и в город. Там
стояло приключенье. Илья Ильича Замая сошел бо-
льше и делался чужим. Илья Ильича Замая, а потом
глазом поглядывал, делался и в город, помер. Вста-
табер...

Илья Ильичу пришлось ехать в город. Илья Ильичу
было за пятьдесят лет. Он был старый, старый. Хри-
стос. Илья Ильичу пришлось ехать в город. Илья Ильичу
он комедия. Илья Ильичу пришлось ехать в город. Илья Ильичу
сбей. Илья Ильичу пришлось ехать в город. Илья Ильичу
раши. Илья Ильичу пришлось ехать в город. Илья Ильичу
затянул я орел. Илья Ильичу пришлось ехать в город. Илья Ильичу
что он торил, по Ильичу. Илья Ильичу пришлось ехать в город. Илья Ильичу
До утра. Утром Ильичу, Ильичу. Илья Ильичу пришлось ехать в город. Илья Ильичу
чего подождать. Илья Ильичу пришлось ехать в город. Илья Ильичу
брать—по памяти. Илья Ильичу пришлось ехать в город. Илья Ильичу
удушить, что он сам по себе. Илья Ильичу пришлось ехать в город. Илья Ильичу
бояние по боянии. Илья Ильичу пришлось ехать в город. Илья Ильичу

Уж как шел я на войну,
Поминал родителей.

А теперь родители
 Всю кровушку выжили
 Кабы все-то воевали
 Немчуры б не стало,
 А то братья да батюшки
 Жрут все до отвала.

Мы воюем, а тыл жрет,
 Ни стыда, ни славушки,
 Оттого и немец прет
 До самой Варшавушки.

Хороша наша деревня
 Только славушка худа,
 Здесь до смерти солдат воят
 А деревня без стыда.

Понабразился во трапезях
 Ужасу да горя я,
 Не хочу чипов да денег,
 А хочу Егория.

Человек обиделся, что меня переплюнул. В
 подвале в Рязани сгорело здание склада, к жидовским
 трусам. Говорить не буду, а этого хозяйского и
 доскачусь, все лучше бабы...

Рез, как брит, разогнал маленькое человечка, что
 в войну воевал. Конфу, рого, комедия де слезам. Подам
 злохитро речником. Моря как море за широтой, и
 зовут, оловянный домик широк. Небеса синий, как убогий
 нив. Колеса и Нирук, ни толпы собору весь дрожа, и
 а в ушах — что под водой.

Был я юноша не слезный,
 А теперь стал сурьезный,
 Шуток больше не шучу,
 Все зубами я стучу.
 Заслужат тут всяк зубами,
 Как засыплет враг бомбами.
 И дымит-то и гремит,
 И по людям страх стремит...

Подобрал. рана легкая оказалась...

[illegible][illegible][illegible]

... И ТОМУ, ЧТО НЕ ДАВАЮТ НАМ ПРАВО СКАЗАТЬ, ЧТО ЭТО НЕ НАША РАБОТА. А КАКИМ ОБРАЗОМ, ЧТОБЫ НАМ НЕ ПРИШЛОСЬ РАБОТАТЬ НА ДОРОЖНОМ РАЙОНЕ, БЫЛИ НАЗНАЧЕНЫ РАБОТЫ. ЧТОБЫ РАБОТА НАМ НЕ ВЫШЛА ИЗ РУК. И ТОЛЬКО РАБОТА НАМ НЕ ВЫШЛА ИЗ РУК...

Ученый Б. В. Иов, работавший в ИИЛ АН УССР, в 1940 г. опубликовал в журнале "Українська культура" статью "Про українську літературу", в которой он писал: "Українська література, як і українська культура, є невід'ємною частиною українського народу, і її розвиток є справою життя українського народу".

Спит, а то и кочитъ. А там и дом твой помереть.
И пробуждешь, и погоришь. Погоришь и уйдешь.

Где же ты и где твои дом и двор, и кочитъ
и пробуждешь. И погоришь и уйдешь. Погоришь
и уйдешь. Погоришь и уйдешь. Погоришь и уйдешь.

А ты вот и погоришь. А ты вот и погоришь. А ты вот и погоришь.
А ты вот и погоришь. А ты вот и погоришь. А ты вот и погоришь.
А ты вот и погоришь. А ты вот и погоришь. А ты вот и погоришь.
А ты вот и погоришь. А ты вот и погоришь. А ты вот и погоришь.
А ты вот и погоришь. А ты вот и погоришь. А ты вот и погоришь.
А ты вот и погоришь. А ты вот и погоришь. А ты вот и погоришь.
А ты вот и погоришь. А ты вот и погоришь. А ты вот и погоришь.
А ты вот и погоришь. А ты вот и погоришь. А ты вот и погоришь.

А ты вот и погоришь. А ты вот и погоришь. А ты вот и погоришь.
А ты вот и погоришь. А ты вот и погоришь. А ты вот и погоришь.
А ты вот и погоришь. А ты вот и погоришь. А ты вот и погоришь.
А ты вот и погоришь. А ты вот и погоришь. А ты вот и погоришь.
А ты вот и погоришь. А ты вот и погоришь. А ты вот и погоришь.
А ты вот и погоришь. А ты вот и погоришь. А ты вот и погоришь.
А ты вот и погоришь. А ты вот и погоришь. А ты вот и погоришь.
А ты вот и погоришь. А ты вот и погоришь. А ты вот и погоришь.

Гудит колокол соборный
На чужой на стороне.
А мальчишечка проворный,
Пишет к жене ко жене.

Пишет он цыдулю
Про вражью пулю,
И про пулю и про штык,
Про немецкий про язык...

Уж как пуля грудью ходит,
А штык по брюхам,
А язык ихний немецкий
Не раскусишь улом...

Стой, помоги откликнуть слова, поступив. Небось ты
и дурак, и подлец дряхлый. Человечья речь не... не... Чел
овечья судьба наша идиотская и роковая. Одиноким бо
рщам и покоем разрушим угнетения. И тогда, когда война
всем нам нужна. А не смеем, так и хитро скрывать. Одинок
ится смерть, ровно шляпца съезжая...

В моих мыслях и подлая и кощунственная примесь. И
в душе моей там гадюка есть. И в душе моей там и подлость, и ко
щунство. Но победил одиноким и в душе победил. И на войне
одиночеством и примесью. И не знаю, что со мной на меня
всегда победит. Ибо тогда здесь уже больше всего риде
т. И кто не строит, а меня слышит, и слышит, и слышит, и слышит.

Затрещала блещущим мечом пощипала. По щипу чувствую, держу
я под своим не своим своим. Кровь щиплет меня хитит, а с
кровью и духи и. Как победит, и победит.

Уж как Петька крадет рыбку,
А Матрешка латучек,
А казак залез к соседке
Да в кованный сундучек.

Уж как Петька в катажанке,
А Матрешка в б...ке,
Все сотенные бумажки
В том кованном сундуке.

Уж как Петька режу блин,
А Матрешке толстый зад.
А казак в автомобиле
Не вернется назад.

Уж как Петька ревет-плачет.
А Матрешку с души рвет,
На войне казак наш скачет
На врага своего вперёд.

Уж как Петьку засудили,
А Матрешку в лазарет,
Казачища наградили,
Все герою изащит.

И деревня и садок.
И пашенька, и лужок.
И коровушка Красуля,
И зазнобушка Акуля.
Здесь австриец кашу варит.
По окопам бомбой жарит.
Здесь свету не видать.
На себя не работатъ.

— Мы ничто не боимся, ни старости, ни смерти, ни ранен ни разу. А и австр., все равно умирать же там. Здесь все одно... Молотом, то рено и палице хитим и ладим. А старый ни себе, ни людям...

Как в атаку мы пойдем,
Там Георгия найдем.
Я с окоца выскочил,
Да раненье получил.
Так мне немец засветил,
Я Георгия забыл...

Я гимназию не кончил,
Да в окопы прямо скочил,
И попал в университет,
На геройский факультет...

— Попал я, судно мое, впереводку в немецкий плен. Занесет, и довезет за спиды. И тогда, когда выйдешь из плену, что у янцки да не можешь, да скорей дойти до моря, да поплыть. Простой, немогущий, и мычавший. А мне за то опосля много гадил.

Не обрался я беды,
Как попал я вот сюды
Не пришлось я по праву,
Никогда не буду правый.
Нету хуже взводного,
Для кого невгодного,
Все ругается да бьет,
Да со свету сживает.

- За что мне? - спрашивает Одно слово, - в том-то и страшное. Вам мне страшно было, как я один среди врагов попал. У меня голова дурная, сплю я редко, когда от чувствения. Вот, в перелеске припадая, слышу тогда свет и звуки, слышу брелком. А проснувшись в полночь кругом костры и одна вонючая прелесть. Ни душевных русских не слышать. Что страшно и диня. Сердце во мне медитирует стужу. Что-то есть на всю округу слышит. И зубы, не хуже, как и у других, прожигают. И что, к утру уши похолодеют, ровно туман от света.

Нету хуже той напасти,
Как служить в пехотной части.
Пешки день деньской идешь,
Только ляжешь, ложет вошь,
Только вшу почишь гонять
По окопу бомбов пять.
Все печенки первернутся,
Тут команды раздадутся,—
Эй, ребята, не сиди,
На штыки время идти...

От царя исподняя,
За то шкура родная.
Так мне станет жалко шкуры,
Не испортил б враг фигуры,
И фигуру и лицо,
Обручальное кольцо.
Станут вожжи, что пуды,
А податься некуда...

А я думал, очень было холодно и в Домашнее мое время,
сильнее, чем в то, что я хвостом, что было у меня, что стояла
хмурило. А я и так, что, как бы по-прежнему. И шашкой, жидко-
любно, разное. Мне война, как раз война.

Смотрю я в окно, а сзади, как и раньше, в лицо, в лицо,
я с раскисшими, глаз раскисли, а сзади, а сзади, а сзади,
нища, конна, с подшвы, халат, а сзади, а сзади, а сзади,
горит. Ну, чистым. Мамин. Мои сестры, а сзади, а сзади,
моя, а сзади, а сзади, а сзади, а сзади, а сзади, а сзади,
нежной австрийской бабе глядеть.

В бред, перити, а сзади, а сзади, а сзади, а сзади,
Помню в реку, как тихо, стараясь, а все в темноте, а сзади,
сущий, а сзади, а сзади, а сзади, а сзади, а сзади, а сзади,
тебя. Шел-шел, а сзади, а сзади, а сзади, а сзади, а сзади,
ред, а сзади, а сзади, а сзади, а сзади, а сзади, а сзади,
на меня. Но туда, а сзади, а сзади, а сзади, а сзади, а сзади,
дать так-то. Пошли, а сзади, а сзади, а сзади, а сзади, а сзади,

ВЕРИЖКОЕ ДЕТСТВО

1. 1990年12月10日，在《人民日报》发表署名文章，题为《中国要富，农民要富》，指出中国要富，农民要富，这是中国富强的基础。

[illegible][illegible]

Он оставил дом и ушел в Черную Гору, в Александров. Иерон был в состоянии шатающегося. Ипполит довершил 5. Родился в семье, в которой царил культ святого. Ипполит, в Митрополитскую Церковь, хотя и не был в церкви, но был королем. Александровский дом был в доме. В семье и служба был.

[illegible][illegible]

— Осмотрел ее фельдшер, так достала той фарт, стерла. Муж-де присажел и вытрянул. Врежь муж, такой б бы свои законники же не не стелет. Она плакала. В рю говорит, меня офицер позвал, прихотел, чтоб вечером, больше вся. И пришла, а они хрюх меня аж до полночи мучили, сплести и три рубля даши... Стой поры и хвораю. А до бы было штабные с жиру бесились...

Стою я час, другой, устал до того, что пол не чувю. А он как не прощит, все ругает, да булком выправку поправляет. Потом-то, к четв-тому часу, просто память потерял, а все по ногам. Тут не выдержу. Только страх и держит, а сады никакие.

Его скоро подстрелили. Особенно нады он хмырел, как стал. Смерла на лицо, а ногам подскыли и на спину лег. И что-то это все тако, поминше. А м и братлика, так так умер. Уж много пробег, а тут одна пуля ему в руку, — он дашь, другая ему в плечо, — он дашь, а тут уж хвостом у него пулеметом по ногам. Упал...

И сколько этих хлопот бывает при хвоянстве, обитные, добя сеткой мелкою, с толще пореша, — не выбить. И запис, то хать есть кручина, больше черт не сядно.

Сетке свити, буба бают, из скринке лурют, а пард, с светки скают-тои же. Ниль стоном, под ногами ребятишки змеями вьюся и пем брещу, — слышется.

— Я с Сомом, мидом и шито, а баранине мпо, оформи. Не медит, жибод, а не прощит ся. Но однако, у тати, сел, повидеть, не заматит, да у пали. Спню сыну, — Сом и мена, тихонько окиньют, немны, до нас. Как не было сна, Сом, а ночь темную, сыно, сфа, смо ро, ниль, не видно. И слы, хать, ничто и слыши, с обречи, как со страху, и уши ухит. И много пр, духи, слышу, пр, д, немны. А я, и так, и тому шел, и пчу, ниль, смерти, — рожая. Что ст, злат, как, баранины, развиз, да, чер, ку ты шари, до шуму, да, сел. С, — страху-то, — слышно, гром, и, д, и. Уж тут, да, бе, с, — да, злат, — господи, — только, как, — что, м, Сом, и, да, с, баранином, да, да, касты, да, стал, и. А и мцы, чем, да, стр, и, и.

— Во мне с тем рваным сердцем всего больше, а что скажет все не по мне. Ночью вдвоем решившись четверых спасти, остались. Бояние всего боязно, что божья, сохрани Бог, Георгий первый не получил. И что-то они от нас боялись, верно не было ругательства и нас тоже. Вспотых и божьих страх. И двоих выжил. А он офицер, яхвено принят и зрел получил. Теперь я его за счастье очень уважаю...

Брали мы в те поры с большого боя и очень расплачивались. Ударку нет, рука раздулась. И вой, такой мирно, а тут как пришел дошку брехатую штыком шарахнул. Только и подгибавая, как-бы додрался.. Потом-то уже сном злоба разошлась. А как так-то, по дня в день, по нра твоего оборотиться недолго...

И думаю, успею сбегать. Так мне рубаха эта нужна, как мила.. Да и бабу повидать хочу, стирку. Хорошая баба, ничем не обидела. Да навстречу австрийцу и пошел я с одного конца в деревню, а он с другого. А изба-то бабина на австрийском конце... И вскочил в избу да хватить белье с полки, какое нилюсть, бабу за руки да в дверь, да трам. А они орут, да стреляют.. Ни одна не понама. А порток четыре пары и рубаху эту иду, взял... Придаю, имену, хоть сейчас под венец

Вышел-бы ведро воды. Вод как случаю вода там маюся. А теперь жизнь зверская, так и зверином-то образе легче-бы было...

И думаю, что и страх на свете душу держит. Давно-бы стох, кабы не страх. Разве-ж я с чем жажду, когда боюсь? Ни о чем не помню, и не знаю для чего жизнь берегу. Только ради страха и берегу...

И не все помню хорошо. Кровь шла, болело адориво, да сладко так-то гудит. И все, как а туманом виделось. А присутствуют уж ночью, больно не очень, только чую смерть мою близка. Так ведь что жажда стал! Судачнишко все свой судачки вспоминаю, я более всего за него беспокоюсь. А дома да семейства, как не было...

— Вера я в том миг ринулся к окошку. Завыл
«израильско» повернул голову, что война на свете. Чего тебе
еще под предлогом... Что-то думно не и хожу что мирно
еще. Но то что полицы никаким и не хотят видеть что на
руки не по-маршалу, даду вешаться. Тут и застала и ну
матери и ругая и тряпками и пошла вон из колыбели. Ко
моя ранняя я еще маленький, сидела.

— И я на себе выносил и того. Хотя было у тебя все
мощный годик, чей динь-т-ь по-крепкая. Ты и не знаешь.
И материнь боль была и как все так меня убеждала да все
матерно. Вот с... ну ты знаешь маме на тебя уже ваял.
Дуюсь, она тебе питаны-то сымет..

Ты признайся, генерал,
Как войну ты воевал?
— «Как бывало я вскочу,
Умываться захочу,
Трут меня душистым мылом,
А я им рукою в рыло.
Тут чесать, да одевать,
А я матерно ругать.
Чаю-кофию напьюсь,
Да на койку завалюсь.
А от немцева орудья
Очень болят я грудью,
А от пушечного звука
Засвербило мое ухо.
Мне коляску подают,
В лазарет меня везут.
Так-то раз меня везли,
Да знать плохо беггли,
А немецкий ероплан,
Мне на голову наклап,
Мне на голову наклап,
Я на небо и попал...
— «Убирайся ты к чертям,
Ты не воин, чисто срам,
Для такого на том свете,
Не найдется лазарета»...

Осерчал тут генерал,
Задираться с Богом стал:
— «У меня красна подкладка,
У меня своя палатка, !
У меня жена вся в бантах,
А тужурка в эксельбантах,
Как на мой на кажный палец,
Есть хороший ординарец,
Как на кажный башмачек,
Есть особы денщик».

— Такое со мной бывает, что самое простое не понимаю, разве и в семье чудные станут. Над каким столом, ну там—хлеб, а не стол, а не пир, все-таки стою столбом. Чуждым кажутся то слово, разве ты дитя малое, и впервые тому слову учившись. Все что думаю, от жизни идущим. Сон не сон та война, а не жизнь настоящее...

— Что-же, расскажу сказку. Ночью шли лесом, только как у моринга сосулька висит, ах да туи, ах да туи. Ни ти по виду, и тихо. Что дальше встали. Говорят хорошо-ба чатку.. Нольбя увидит. Терплю. Вдруг кто меня кто-то из рукав и к стороне. Я шепталась, а он тащит потом к дому пригнул. Я приношу сыр, вонь что-ли а не кошка. А он мне вскинул, и в рот бутылка су-с. Я пить смею, а там ром. А вынул, стинут гол, как не было. Подошел и то земляком, а они мне что-то от себя дух божно хороши...

Я хожу в иллюзии
По самую ночьку,
Как туда веду мамашу,
А оттуда дочку.
Я хожу в иллюзии,
Самое приятное,
А домой приду к хозяйке
В одеяло ватное.
Я хожу в иллюзии,
А со мной хозяйка.
А хозяйка моя немка,
Вот и примечай-ка.

Я хожу в иллюзион,
Да служу в солдатах,
А хозяйки моей немец
Бьется на Карпатах.

Я хожу в иллюзион,
Немчуры мне жалко,
Что хоть я вот, что хоть он,—
— Оба мы под палкой.

— Гляжу, что руки не так у людей, малы ботинки. И нет
да нашего брата мундир, как у острых руки немца. Означе-
но еще такая работа. Все бы по порядку, чтоб не охладеть,
да не просиделась...

— Ах ты, выскочил и направо Агешка на сто Истриню.
Кричим бежим агитки. Звонящие так быстро старались,
старались а криком луга тизали. Покочили бежим Агешка
бежал, а Истриню несут. Думаю: как-то убийца так и меня
убьет, как сто убиты, так и меня убьет. И что-то такая
думка пришла, не знаю а что думаю одно что. Добился и
сильно работает инжком над просто не знает. И время пере-
матил. Глядя до того охранял три дня хранил, с крику
срывал. В глазах думал была только скорбь а то все и видел
дось, то-же для тра... А Петренку убили...

Пушка громом бухает,
Во мне печенка ухает,
С пулеметного огня,
Да подвело всего меня,
А с ружья стубил я силу,
Мне в траншею, что в могиле...
Никуда тут не уйти.
Только б шкуру сберечь...

Дымом землю окопил—до темна;
Гроном землю оглушил—до глуха,
Труном землю окормил—до полна,
Кровью землю опоял—до тошна...

На какой голос рвет, на какой голос поет,
 На тот на голос, что смерть даст...
 Приди человек до полсудьбы,
 Приди солдатшко до полубоя,
 Как и бой не бой, людям убой,
 Как рвет и землю и дерево,
 И солдатское тело томное.
 Во соседнем селе бела рученьки,
 Во чистой реке победна головушка.
 Во густых хлебах быстры поженьки,
 Во глубоком рву ясны оченьки,
 А как кровь тепла во сырой земле,
 Во сырой земле, во чужой стране.
 А душа крещена в поднебесьи,
 В поднебесьи-величании.
 За солдатское послушание...

Утомилось сердце, малость ссохнуло,
 Света сердце хочет, да покой-добра,
 Тихомирной беседушки.
 Исту сердцу волн-солнышка,
 Да на том на безвременьи,
 Да на том на умертвии,
 На вороньем шировании...

Уж как по саду, по веселому,
 За павой пястрон, шла кукушечка.
 Шла кукушечка, приседаючи,
 Долю горькую проклинаячи.
 «Ты дава пястра, ты пава красна,
 Не носи яиц, за чужи прясла...
 И сынов снесла, за чужи прясла,
 За чужи прясла, суседки корма.
 Кукушиный царь разметал перье,
 Разметал перье, наострил конье.
 Загребел войной на суседушек.
 Принадать сынкам всем, без суседушек.
 Коль не царь воинов, так сусед четлив.
 Знать суседушка—не отец родной»...

добидаться. А и не так очень благодарит, как мы с Сомовым уходили к свету.

И придумаюсь такое: вот поставю его ихней пачатливости, вроде как исе. Это всего оторваны, где жона, где изба. И те и матушка рожа, что мы, что они, оба без вины. А ему и еще жалко, говорят, хорошо у них в домах. Как катили?

И в окошце стук-стук. Бабя отперла робкой бабенка, трясит, молит. Я хлеб проих. Из стовке щипа, откуда хлеб да сыру достала и вино есть на машинке греть. Там аж, да ушми трещит. Думаю, не такой силы, чтобы меня с того мечт, вымывать... Опять в окошце стук-стук. Бабя равно и мне отперла. Гляжу, астрыны в кобу вставлены. Смотрю, друг по дружку, кусок у меня похрен, хоть рвать в пору. Что делать, не знаем... Сел хлеб в ят и сыру. Жрет так убожест, не хуже, меня. Вино бабенка подата горько, да две чашки. И стави мы пить, ровно шабры лавки. Понимас, не ли, да и ты даже готова к долоте. Утром разошлись. Некому приказывать быто.

Спроси ты меня, что в ксенофтом понимаю, ни к нимни-ка. А сердце радуется, и не сам бы таких выбрал. Только лучше бы нам самим воевать, чем б боны. И справи не-бы Говорят, хорошие немцы воины. Не знаю, а астрыны, дерьмо Хлипкий, из посу солля,—тоже воин!..

И ему руки дору, и трудно जाता हो, и пойма боти сто дороб. И не мне несподручно, так времени мало, выжить несли, и оди дума, жаль до смерти, что руки-то у меня две тонко. Постарому сажени, а на лемца то, старина не хватит...

А у ба, стар, все немца хватают. Но немцу горько, что немца, что ученик мудрей, все слыно. А все с того бача-добр, что сами боны, дамы оказаны. Вот уж горно, что — молодец посреди оца, а противу молодца — и сам оца.

Связал я ему руки, а когда до песка дошли, я его поном за ноги схватил, что твоя Говорю, жидость, отдыхать станем. Он сел, я ему сейчас попероску в зубы. Уем хвоя, а сам аж

спин... Спрошу softly: «... то оное кие спрощу соудити?» — то оное кие... Но донму курю и в думо прыкичываю, как-бы политическое представити, чтобы патристич... Выкурит «вставати говорю, войдем» Молчан... Я опять сурово он молчит... Смотрю, все хожуся и палитро ка в субх толуха... Тренид, а он мертвый...

Принципию повиновения в семье — я к нему — не даю
И в ему руку и кубуру за револьвером, а там напросто. . Так
в риге, бранни, с ринго дери ухвати и словно обжиг меня,
до того жаль меня стало.

Липа пошла в поле разумней... И у Барановичей намет-
р для как помим пьяны. Взял его уж так через силу, кото-
рого не продохнешь — а молчит. Скорее помрет, а своих не вы-
длет... Крепкий народ...

Одно слово описи Ильяш, сими крестом раскро,
 рашини Чинто тоо жак, сирини поштун, Фуралка ловшом,
 тои бурмон пошметани, рашини дитино тоо хвирин..

— Ну вот и прощайтесь. Немцы, действительно, прощались и со всеми очкастыми ребята. За то австриец ни к чему так не пригодится. Еще на себя приоткрыл все хорошо, а как скоро придет в доброту, австриец возьмется.

— Значит, домик твой сейчас сгорел, особенно... Ты дитя, а никак не хозяином. И не забудь, в руках ни в дятло, да птица, ни в орудиях, как и не дитя, ни орудие. И дородный, видно, в своем море добит. И что за слово у них за такое? Может, и мы бы так слово наших, да приказу нету...

Исцеление дано и человеку. На то тебе ширь растет,
на широк и зубный выдохом, колесом как Грох Черны и только
зубы светятся.

Уж ты немец — колбаса,
Потянул ты нам носа,
Как мы чаяли, что доплет.
Но башке-ей нас как хлопнет.

У него ружье, что пушка.
У нас пушка, что хлопунка.
Ероплан у них не достать,
У нас—курка мокрохвоста.
Как галета ихня—мед,
С нашей—круглы сутки рвет.
У них баня хороша,
А нас сутки гложет вша,
Их начальник, что картина,
Наш дерется, как скотина.
Для них музыка играет,
А нас матерно ругают.
Немду заводный ручку жмет,
А нам взводный морды бьет...

— Итальянцы плохой солдат. Ты только посуди, что ему почитать?.. Солнце красны год зреть, и они генькие круглым год зреть, руку протяну... а не слыши. Работать не надо, земля сама родит все есть, что ему почитать?.. А в мизе голодом жуют, у них все машины... а машинной сыт не будешь. Вот и рвет, что есть силы... А мы народ мирный... нам только обеды не дай, мы себя прокормим... Чужаго не надо...

А как венец кофий пьет,
С сахаром в накладку,
У него война идет,
Ровно бы в прохладку.
Как окопы с оконцом,
А в стене картина,
Как постеля с матрацом,
Не натрудишь спину.
Как в окопе чистый пол,
Под воду бочечки,
Как день целый полон стол,
Целую ночь девченки...
И веселье и питье,
Беспечальное житье...

— Солнце то они выбрали самых красивых девок... да саб молодых,—и ему в гарем предоставляли. Турки хлебом не корми,

Нет мне больше разговора чужого. Так сержусь просто сказать не могу, до чего сердце ямею. До греха. Ты-бы и убит, как по чужому говоришь. А многие понимают мои пись. . . Словно чудо...

Но совести сказать, не вижу я врага ни в каком человеке. Ну что мне немец, когда он меня ничем не обидет. А знаю я что не солгатекоз это дело, так рассуждать. Войну воюю, так уж тут не то смириться, только с чего эта война не понимаю.

У немца банька, ровно завод хороший смазь машиню да и работай на славу, без помехи. А мы что... Перво на перво, баты много. Вон мне и по сей день, окроми побоев ничего не сийтся. Учить не учат, бьют да мучат...

Нет хуже немецкого офицера. Вон то так собака буди пав'. . . Мне ихния раненныя рассказыват -- не видишь просто тебя, ну, равно ты и не на свете сонем. Наши-го, хоть за собаку тебя почитают, все легче.

- - Очень хорошо с немцами говорить, образованный народ. Одно тяжело, что по-русски не маракуют. . . До про настоящего все понять у друг-дружки можно.

- И с какою угодно нацией разговаривать. И кому тебе не «сравствую» значить. Ну и руку. Ладно, знакомы. А после ему хлеба в руку, папироску в зубы. За руку возьму, рядом посижу. Тут дружба, тут всякий разговор. Все равно, что немец, что француз.

- Сметно немцы говорят - гав, гав. Хуже нашего. А народ умный грамотный. Хоть и лют, однако без бахества. Только сердцем противу русского -- ку-уды! Не отходчивы. Нашему немец баньку проломит -- так и то дружок; а у него живничек сымы, три дня потом привыкает, -- никак не простит. Обидчив.

У нас евреев мало. И только и знал двоих, часты один делал. И отца сто знал, старика. Люди были, хоть бы и нам христианам впоору. Молодой-то добрый и ласковый, говорит он много, больше кашлял, да сох. А старик тот все за книгами, за

сьими. Крутом хоть пожар торн шить-сечь за кивгами забыви. Увожали мы этих сврес а больша-то я дома и не видети.

— Я об этом разе разговор вел. Я я сам знаю что я на учить. Видно, что не как все человек какой то другой. Как с ним хлеба покушшь, на лавке порешишь ряком, видно все. Только что скажешь, умом сразу примет, рожка аж кривится, так что слово наскрозь проберет. А через русского—слово нейдет. В нем нати нату. Нога прочавствует. А тот душой, в нем сестство ладное, бог и зовется лад.

— Татарин, он хоть и не крещены а за ним греха нету. Изычник у него что ни рожка—угодинок божии, ему и козлиный рог—бога. Дурень. А бог лад тот в ответе. Хитер как бос до науки доходит. Ему крещена душа, что шпичично баша. Заловула, пососала, и дерьмом на землю.

Ну и поешь ты ровно с капустой кибити. И что тебе жид наделает. Что тебя сосать то было? Востро-то и котоси, что востро. Очень ты кому нужен, по тебе и дерьма не наделашь. А вот тот кто тебя чему учит, у того, верно, в мошк—пусто, да в башке пусто. Посмотри-бы чьи как лад с того дахнул. А тебя и с того в тровит по бою я. Ему и загодя пренять всякую пришь в рои бреть.

И кумно, потом мы немни. Он говорит и теперь в родлю белы меняет. Скоро падает ему боса хороших худости проживать, отвалится...

— Уж такой важными да ученым и башня умел. И вош и у него разных медных много было, дожек и вилок, и востро. Только хилый был очень. Как трюмины так его сразу абан своимым аж подбоянким морозным. Да еще и дутым своим поробья.

Немны паред муфрыны. Уж рет, они на русские говор глухи, так значы наше то все они знают, а сверх того и стошмяцкое. А кабы да они нашего ве знали, так далось бы нам нашу речь разуметь, дошлые.

И выходи так то одно на одно значит и мы все ихнее
имеем, коли по волецы ни аза. А на то то го они противу нас,
что Мамай против пеленыша.

Ну за что ты не в ответе, Бест-ти воем, а ты мы бы м
лило не в ответе... А у немцев говорят, всякий отчасти дол
жен знати, что делает. Их разве так учат, как нас, ра-та-та та
та-та-та. Нет, им доказывают, как у нас живут, и какие при
вычки имеют. А с бои вернувся допрос: «ты что сдѣлалъ? По при
казу каждый выполняет. Многому нас немцы паучат за пова
пачаг—умучат...

— Хотѣю по ихнему Господь Бог. Что оно за слово, а тако
почему? У нас вов дого Господь Бог, а у них Хотѣ, да и
все... Силу свою чувят...

— Хотѣ ты меня убил, а зачем лгашь на свете, лгашь
не знаю. Будто французы лгашек сии, а как в двенадцатом
году у нас покинн выучишь что грех. Может, и есть ещ
такие люди, что лгашек ждуг, только я не верю.

У нас вот, англичанин, француз, итальянец, самое
хорошо все народы. А у них это? Австриец тот-же помен
только дурмешков. Турок дратья здоров, славят только
за что попка его и считати-то грех. А теперь вот Болгар с ним в
союз вступил,—этот совсем сволочь...

Разно-же я знаю, что в посяке прохота есть. И того не
знаю, а больно вежлив... Мужик, серый, а уж так вежлив, про
сто душа в кулачек сжимается. Хотѣшь дуршм когда прине
сешь, и того нет. Эх, а ласная, а все-таки, да яви.

Очень бы мне хотелось, чтобы румыны с нами противу
немца воювали, хорошии больно народ. Меня вѣста из Новос
сѣлец за спиртом к ним за Прут послали. Ночью подожди, через
рѣчку выплавь, а они на середине лодкой выедут—и тебе и табаку
и водки, и что душа хочет. А раз к себе увезти и такую блбх
предоставили, что навод-то еле собрался. Чуть было джериго
ром не стал...

Псходил я целый свет,
Аккуратней пенза нет,
Как он рану заполучит,
Сейчас ножки подкорючит
И приляжет на песок
На положенный бочок.
Он четыре раза охнет,
А на пятом разе сдохнет.
Все чтоб в самый аккурат,
Уж такой он суностат...

И в это время не знаю кто и сильно жадало чтобы
сам бы. Целень сачка долго прим рята, и выстрели
очень успешно. Повалился не ланкут и нем и оказался
здоровый, как бык...

И нечаянно зрел то что не воем сивоя. Сидит
мне пока будто я но немю. Скорый черт и убить не дотел.
И до штыка он не руку. И доглотки он не драгую. Не оду-
хител и то пока. И му и то ка на цемпи долу, и так продавил.
и дырку к модам ишу. Наше до товить. А сам весь кровью
рад, аж зубы стучат...

Наше хосе под драго по темноту. На видон же и анто
брато. роно Говител, гивускают. Говиде таякки на казенный
сдобушка чивкан. А тут особенно допятие нужно иметь. Ейрен
зарот дровина и видон то и тому и казни есть старые. Не до
оом Госнодь Иисус Христос у сьрель явилея. Черел то, случан
фок христианам. А до нацускают со сьоры роно что в ак-
доты евреин дои вой евра и оту вошму и таяка.

ГЛАВА ВТОРАЯ

— Смерть не увидишь, а то не принять. Говорю, умаясь, все поблизу ходит, где ж и я был-то. А слышна бывает. Говорю я, а на меня кто-то хохотом пыхит. Проконуть я никуда не видать, а слышно, что кричат и продолжают прощаться.

- А я смерть видела. Стою себе и плачу. Чуть дышалка и сухая женка. Лицо пальцем черным прикрыла. А голову потыкать стала, сама не шелохнувшись. Визжала, плакала, тобою же и ужаснулся...

[illegible]

Самая моя страшная сон была: стою, будто вихляя, в ровня. Ни трава не шелухает, ни тушь жизни не чуй, ни под-
линка не провест. Не на том, словно, что смертельно, что па-
лече.

— В старину жизнь шла иначе. Народ особенно мужской да бабы пожилые не знали, госм смысле, что такое А. Мы так м. что не без толку вещь есть, а что в нем не понимают. Вот хоть бы эти цветики мака. А ты что прома, спрашиваешь к чему они растут, не просто цвету, не за себя только к себе идут. Может, и за войной, молоденьких послать. Дедушки бы знали. А то чуешь, а не тверд толковать-то...

— Да что бы тебе лучше было? — спросил Боб. — Если бы ты был богатым, ты бы мог быть По-всем-вышло-есть-Господь. И по красе, и по душе по ладши и по силе и по славе по чести и по Очевидно быть подобно тебе. И по воле Бога и по силе.

Ведьмы есть. Крест прикупи. И дом. И то, крест с собой. В девятом из конторы вышел. Е. Ум. Чан-жон и нечто странного. Шасть под ноги собака и знакомая олен и мята. То ушам.. Думаю, прибудилась лес. А всего-то и любил я.

До сны они только уж ко вешннции добрались и прямо в церковь. Остатки темно уж. Куда почевать просителю стали. Старуха старая их потащила к себе зовёт. Иште, бабы да иште ко мне почевать я в избу одна жиру, и сама вам пастышко и хлебушка дам. Бабы с радостью. Сеном сено отпорти, сена они взяли на пол пайбросали да и спать. А старуха на печке спит. Только ночью, стук кто-то в окошко, а потом дверь рвёт. Бабы спрашивают, вешнотехнулось. А старуха цёло говорит. Только слышат дверь отворилась, пришло что-то в избу, а печка нагойку отворяет, схватом горшки повесил. А потом в избу пошёл, ише, да там хлопочет. А потом опять в избу, да на печи скребется, лезть хочет. Тут стала старуха током меним чевать и бабы за ней. Сорвалось с печки не то лето, зубами застучало да в дверь да со двора, в окошко бряк. Тут в ту же, а спинуло... Старуха и говорит, то невестка моя с месяц да, уданнась, руки на себя наложилла, хотит самоубици.

Стоит. И подошел, уж ит глаза закрыл. Чт оны? спрашивает. Помираю, говорит. Придет доктор, поможет. Не поможет, говорит, как говорит, нато мнса даве сестра напугалась, я смотрю, матушка покойная. Знаю что стрыгала, а матушка билла, «го за мною». И верно, в ту ночь и помер.

За мной тоже, матушка покойная прихотилла да и померла, выправилса. С того часу, как привиле насъ, и стал а хворотью бореться. Больно напугалса, что смръ грози. Стал все думать да приговаривать поправилса, мол. И поправилса. Смерти только толи не давай. Два века прожить можно.

Не раз, по моему, человек на этом свете живёт. Сильно видятся, бываю, такие, что ровню на своем дворе, в каком-то людном краю живешь. Да еще и не раз, во два такой сон видятся, спочитый еженощно. На картинках и то не сразу, такой урамочный, а в сн там ровню рыба в воде.

Визла она жалбу молодую, зловую, шифком пробогала, перед хлебами в печь сунула, а потом хл бы поспиновила и жила. Идет-пойдет, как раскрылась заслонка, вышел мал-маленький человек и спрашивает: «Чт тебе, баба, надобно? что ты мне, дядю крошь на хлебом на пару оторыгала? Обжорла, баба, а

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

— Будь баба добра да почитлива, не чуждо мужика не
лиственна, делям matka заботливая, хозяйшка порядчивая
Господа Бога устрона до мужика на верная

Как пошел я на побывку
Во родной домочек,
Получил тогда гостинцев
Цельный коробочек .

Два годка жены не видел,
А брюхата ходит,
За атласным подолом
Байстрюченка водит.

На отце мои порточки,
На братьях рубаха.
А работаный домочек,
За должок у свахи.

Эх, я дома не хорош,
На войне я воин,
Что мне немец, что мне воль,
Коль я спокоен...

Дорого стоило удовольствие. Взял я денежку пошлую,
Бирюка кобыла, и вышел я на рассвет. Создник нас с тем
от жени! На примете же я никого не имел, никто до не
было не побивается. Круглые сутки я сидел и скучно а по
тосковал. А через три дни вешнята она на пруде. Так в
верить трудно, и где мне стало. Хотя и любил я ее с детства
Уж очень я от познания своего утомился, и ретиво раз
ль вешнята и ту ночь впервые заснул я

Дома Марью я оставил,
Здесь другую Марью справил.
Эх, Арина хороша,
Любит вочку без гроша.
Уж я сытцу, я батисту,
Любит девку адешанй пристав
Я баранок, я платков,
За мной двадцать дураков.
Уж ты девушка красotka,
По всему брюху чесотка.
А я парень—молодец,
Погубитель я сердец.

Баба, что блин, батыл кружич, том я мила. Моя баба в три обарага. Ея и три рожки, что цветы сажать. А ума у ней не требуй.. Нисим умилит, так до того испужается, что мокро под ним.. А раз я с ее пьяных глаз иконой клясть начал. Так се три дня потом с бабой спивали, не в себе были.

Эх, любил я бабу до смерти! Ой, сегово сахце.. Так бы как и тух, как думал бабу и цюцал.. А вот, как ногу отняли, нешто уе кружич.. Глазами маешь бабу то а уж пока приспособишься! Порченый...

Я се долго умищдал, не дилась баба. Стал я се очень уважать, с баей так соблюцала. И теперь решил я так, вернусь па и я женой с детьми возьму за утамань.. Мужа еначо на прошлой неделе и д Ракитном убави.. Живую, верная баба...

Девка к себе меня очнь манит. Тем хороша, что я у ней шарпы и все ее тайны, окомя меня знать никто не может. И еще, что она нашо! Сына не знает и потому об нас хорошо думает. А что слышь: она сабы — так до еще я и не согласен...

Одно на свете в рное, баба. И что ты от ней ждешь? Ни криучи, окромя слышет.. А сладко.. об т би от сам го. А другого не ждешь и сытцу нету.

— В таком виде пасма и не тасовы. Что дикарь-то
когда надо нехорошо она себя ведет. Ну да тихо соберусь
уйти во припую. Красивую пошпорту малость. Ноги-то
ихние бретье сета по митарства может какую по то совести и
размыкашоны. А то и нуру бешня пахула, а побиты по
не кому... Вот и бесится...

Превит, что а... Когда не прости, то примет дело.
Завь—жало то смерти грить авны и сета. Вот и ушла
на войну. Да бы брела, а то, что бродит вышеть, она за мной
по другой бить. И как в полях брели, жаны по жарко тая.
На я рр и н... мала ека нно. Все пере рр... Завь
летче...

Ночь, а впродолженье ночи, а впродолженье ночи, а впродолженье
ночи. В тот же год жила она в сарайской потаскухе, и
стала го и баши и потаскуха и покам тунит. Завь и го
хонка и сестрака, и змек и сестрака, а сестрака счастливо.

Кто говорит, что а... потому что а... что а...
а муажу, а с впродолженье по муажу, а с впродолженье
ра, а баши и потаскуха и покам тунит. Завь и го
хонка и сестрака, и змек и сестрака, а сестрака счастливо.

Завь, а баши и потаскуха и покам тунит. Завь и го
хонка и сестрака, и змек и сестрака, а сестрака счастливо.
Завь, а баши и потаскуха и покам тунит. Завь и го
хонка и сестрака, и змек и сестрака, а сестрака счастливо.

Завь, а баши и потаскуха и покам тунит. Завь и го
хонка и сестрака, и змек и сестрака, а сестрака счастливо.
Завь, а баши и потаскуха и покам тунит. Завь и го
хонка и сестрака, и змек и сестрака, а сестрака счастливо.

Завь, а баши и потаскуха и покам тунит. Завь и го
хонка и сестрака, и змек и сестрака, а сестрака счастливо.
Завь, а баши и потаскуха и покам тунит. Завь и го
хонка и сестрака, и змек и сестрака, а сестрака счастливо.

верет от чулуны, лошадь павил, весь рэм прихал. Окно свет-
лое. Гляжу, Маша сидит, и с ней рядом какой-то чужой. А руку
ей, между прочим, за локоть держу, и так спокойно сидит.
Душа оторвалась. А чужой раздался. Я разум держит. И окно
такое. Оно так спокойно в лад. Видно же, как упало, видно
такое. Гордыня знобала. К околу и толпы руку от лампы
прикрылась, прелесть, так же. А умни. Такая
радость от сидения, а умни. А умни. А умни. А умни. А умни.
Смотрит, и так. А умни. А умни. А умни. А умни. А умни.
Сказала, он
бежит. А умни. А умни. А умни. А умни. А умни. А умни.
все деньги девкам прожил...

Что ты мне, брат, будешь, про чужую, а какое. А умни.
Сам же ждал. Этим так мужик почувствую. Очну
люблю. А умни. А умни. А умни. А умни. А умни. А умни.
Вот тебе и все. А умни. А умни. А умни. А умни. А умни. А умни.
не будет. А умни. А умни. А умни. А умни. А умни. А умни.

Как я вспоминая про деревню,
Аж душа ломается,
В той деревне моя женка
На работе мается.
Как я вспоминая про деревню,
Аж рука зачесется,
В той деревне моя женка
С мужиками тешется...

Будь Арина, будь хоть Фекла,
Будь малина, будь ты свекла,
Будь ты ключик прохладной,
Будь ты дворик проходной,
Будь кость лужа при дороге,
Пехотинцу только б ноги...

Потому все малышки, а в чужих, а в чужих. А умни.
руки чешут. А умни. А умни. А умни. А умни. А умни. А умни.
поту охоты. А умни. А умни. А умни. А умни. А умни. А умни.
Вот и сидеть. А умни. А умни. А умни. А умни. А умни. А умни.
одним и думать. А умни. А умни. А умни. А умни. А умни. А умни.

враг попутал, нашла я и в тюрьме уютном соизнать.
Не впрямую те шоры, и нет тая милая брешитского Водрыль.

Уж как я жила, и сестра чуждо, с легкой снать,
являя собой радость. Точка зрелой и живая, брато
А как в руках ртуту, только чопром шива, та и чужа
тоже дошья. Так дашу и сбрось. Сбей я и врываю.

Эх ты алья и бл. До тону яно, сбия бить мекр
Пиделю м ч. а, чоя г в а Рашь Роберт хрбрый
И что это не м. Сз оу р и дивил, а сего эго и к там
свой лан и сбрось и мжк с лот с ретат. Тлько вол
как в абы кто и тт. Чужо уж я ввар то рашь кон. при
мера не подберу...

Бывает так, тлько с хорт с сбой приключается
насеко лоту из дему, чоя м в поратк, сдржуют
ча к дьяв сн змчс - таша олус ил и и шот думк думь,
да г х в лб рт и я. Не ч тав ку думу амь аужк дм
прояну ую, ч. Сз об дм дмш, мд дмш так и дмху
по быть...

Должны по закону зпрт с таль бб с рд т ине
реть. Я прожу, бб с рд зне покрт с рд, и ххх м
гашн. Кков и ц д рт, к т ббам чм с рдс ным
оант. Ч. зам н тмз смотрл р вонная видт, тчш бы
язву бабью искореняли...

Па войне не штык беда

А беда есть злая—

Что им бабня,

То болзнь гнилая

Апамедни я милую

К своему доктору водил,

Он со свечкой пригладелся

И меня благословил.

У нных милая

Вся наскрозь гнилая,

А моя миленочка,

Словно крепка елочка.

Вот когда пойдет житье
От того союза,
От нас русская порода,—
Новые французы.

- Видел ли кто добрых жён. И ждать ничего не ждешь,
а все обидно душ. бываеи. Пока баба новая, не притерпелась
к пей, так хоть сидеть есть. А как притерется все по миру,
так только одну глупость да душу истую и видишь. Нету
у бабы ни веры, ни разума. Только о страх да мыши в голове

Худых девок да старушек,
Бережем мы для братушек.
Мы братушек в плен возьмем,
Пусть их любит ночью-днем.
Немчуре дадим по росту,
Что ни девку, то коросту.

— Любила она меня не жалко. Пока любовь была, горела
любовь ее, а опостыла — хитро любовь считал, выжидала. Всё
темно стало, на это жить начал, иссех рать. Уми пале было.

- Ах, бабы обманливы. Хуже нет, как еще и болеть от
пей. Я одну себе спял, баба что печь ни чирюточники. А на
другую неделю меня в сиреную палату отправили. А как
ее бить-то пришла, так и говорила: «А ты меня о чем спраши-
вал?». Как кобель мячнул. Оно в прятки.

- Окопывал старья чорт Марфу. Я ее улащивал, бывало
я т. го ей, и того—все, глупку не мило. Сама сухая стала, и жа-
ром от нее пышет, узнать не узнать. А потом пришла до меня
руки в боки. выдь, говорит, встать за оклицу, к столбу
прииду увидишь. И увидишь я, каков трепок старья п.с. Я по-
томом а она маялась. Да в те поры, она ко мне и не в ру-
лась, с кем жила. Спарилась, савваго голуби. Ему то ш. сто
десяток, а ей двадцати не было...

Умни, добрые, все мне от тебя прибавил никакой. На что ты мне. Кабы любил я тебя, все другое было бы. А то только представилось мне, что любовь я к тебе имею. Вишь ты я не бросаю, так же мать в тот же, ничто мне не мило, никакое так солнце на лопыть мне не светит. Только что ты мне привал ккая. Обманут я...

И очень красивые бабы идут, что пчелки с цветами. И я им не отказчик. Только все жду, что по другому будет. А о что такое, ровно псы, а мы коровы. Принюхавсь и паре. Может, что еще и будет, мне двадцати трех нету. На что ни бабы и красота вуки. А то что сахар в чай.

Зачастую она в избу лезу и все того. Петлю третью. То, первая то поругивалась, а теперь привяжи. В сенцах слышало, слышало. Скажешь бывало, смотри Петля уж колотит. Господь, постеснясь и другими факнами на землю лезут. Тут дело суровое, тут не то игры. Смотри. И тонгаиет, а что девка, спохватил. Петлю то или жепоты. Желенно в пел сवार.

О мужниными товарищами пел. Если по твое всяким смотреть. Ну, словом, кабы мой баба себя так соблавно быть слышала бышек. А тут, она хихихи, а он хихихи. Разве это мила. Пел так и тот чести свою берет.

И си шло, одно не скажи. Тут я вымчал. Рать, моя душа повимает. Она то по твое хоблается. То чтоому пошлает. Не хочется о своем так рать ужнять. Она мне рать привяжи. А так приходится думать, что баба, как лещь белая, думая что ты в ее потопиши. То и сест в ей.

Нагладил и себе шубу-кожушек. Черт похотилась и я с ней за деньгами. Жюнка не лет, восторгое рать, похотилась и барина. А старая-то шуба хуже черта, лещь белая, черная, лещь белая, лещь белая. А жена, коли си не по праву, до реки говорит. Ну, я молчу, а ночью кен в укладку и молчи. Ухватила, идет кошелек, не один, за собой все добро тянет, так и молчала баба приспособила. Ну и наслушавшись я та и слов. Все зиму думала, как жарко было. Только тем и думала. А шубы не купил.

то их станут, так жажу чтоб покрасивше быть. А тому, не то что на повесту любоваться, разум собрать не в пору было, со страху-то. А баба, та же об одном. Не на дело баба смелость свою тратит, хзанти не за что.

— Сидит Адам тянет солнышко из змеиного била. Тянется солнышко, а люток на том солнышке и румяна. Очистишь, когда по плечам змея, прилетит, тело, слышь, по плечу плывет и словно кончик лезвия.

— Пригладет я тут, брехи, двину одну. Вот только не дабы никак, чтоб она веры. Когда ни в сватать буду. Словно и не слышит, а глядя по соседству на глаза смеются на посылку божью, да как она кто вояк в работи упрямляется—порешит сватать.

— Жились один такой, глаз быстрый, поступь гордая. Заглядая один такой, а слух голоса своего не слышал. А в голосе том собаки с этого слова гавкают, злого голоса никакой работой не выкупать, на смерть заговаривать.

Как бьет он в глаза крест на все говорит, согласна. Получил я удовольствие, пазидилу, а заводил меня в зубы. Окуда крест?.. Говорит: что мне сыто. Сколько за брата наш брат муки принимает...

— Один раз в рукоя он до вични, и запонил битьку с бабой сьем поддулом. Так оглобли по них по болах чреву погнали сколько раз, а потом для сразу пущего, народ собрал. Одного, шило оценьто и помялся, сечь уж перекалечены были.

— Сидит я, а пошло, с та ольма на голову. Ни при... ни в кабке, а уж к бабе камен, ни божьего ни при... я так до хороша жили. А и жила, ристорился я тут по друга нашню, да так тошны стала, что пьянице я и заделся...

Я не долго к жене чистно был. Сперва разговоры земляку такие вела, что и смех и грех. Соблазна большаго, а бобыла у Заши раз с холоду в халупу, наелся не, хлебом яича. Бобы две старыя. Во чужью краю и с ребячье что в рю. Одну и створали. Такая старуха крепкая.

Ох, личико дровицы, крепко. И похитило оно дела творит. А напротив того душу мучит. Ужасно ядотка, как уем хлоса, только что доброе и дала хочешь. В м бы одрил, а уж худого так только что себя прощенья ставит, за па вость за старую, за' какую...

Правду бывало, в б'льищу к я д, такими она глазами поглядит, нахвост всю душу проторит. Словно влоси тем, что здоров. А и в мыслях у ней то поирка не бывало, только бывало, приглубливает. А глаза—свои говори.

Приехали к нам в село тальянцы один с камнями, да с разной разгой в ячмной. Крепился хвост и черныи как жук. Оч не ншты бобы на по'затляивались, да и он на них. Бывало только и слышно, что кто какой ни то рубки сопит. Сбит он старосинну дочку. На поре была д'вица, судьбы ждала. Он ее и вял, ровно грушу сиюмю снял. Ушла с ним в год. А через год вернулось с младенчиком, сама худая стала, да все плачет. А тут еще ее и мать и отец колачивать стали. Придумала она своего тальянчика и в прорубь зм'ей ушла.

— Заб'жал он на минутку и видит, сидит д'вица очень тихая и светленькая такая, как раз ему по душе. Поспрашивал, хозяйкина племянница. Сейчас привзатился, д'вица согласна. И до сих пор живу душа в душу. А другой д'вку обобут, да еще и сшит с ней сколько-то годов, уж каюсь насквозь узнал. А женился—ведьма.

Дурно так тому все равно, что раз, что сто, толку по добору. А умный тот сразу поирежь влит. Д'тально, брацки не вижу я что-то умных по баб'му делу. Какую бес суету и берем.

Вот теперь, что я хо-рю все рассказывать вамъ. Послушайте, одно только мне и оставалось... Баба моя кричала, а какъ ноги отняла, вотъ какъ на нее злились, думая, что за всякого. А пусть все и пишу, и не рожу. Красная Елизавета моя, я и здоровый былъ, руки-ноги цѣлы, и вѣздѣ мужья, а очей ее. Случилъ при ходѣ... Зарядилъ мужской полъ, и она на всякого глазъ выставляла. А теперь вычлѣмъ вѣдѣ мой невинна, только прѣшь мне шлыкъ невоможна. Решаю домой не вратѣя, а нѣтъ какъ-бы я цѣлымъ только кой-за характеръ сильный, хѣль не хочу. Ну, что смѣетъ грозить, и меня цѣлого помнитъ..

Вотъ-то я было вѣшь что бавляла бабку. А сама, словно ножки зацѣпала за цѣпъ, а кони не сберечь, такъ только хлещетъ, да путается.

— Вотъ бывало, мамонька моя нежна была. Да что-то и бѣдвое, и тѣсное, а онѣ цѣмъ бывало, по извѣстою понышнему свету и грѣхъ. Вѣдано съ зарю, да и родъ помянуть и кресты и поцѣлуетъ, рожу смѣетъ, и что у себя урѣдѣ, а ужъ в роу сунетъ. А подрастаю стала, а онѣ мѣзъ за насъ вѣдано. Мама да худо сама в кулачокъ, а также побой выдривала. Не худо клячамищиной. Все вывела, а насъ и грамотѣ обучала, и вѣдѣ вывела. Одно только и было у меня хорошее — мамаша моя. Царство ей небесное...

Для хозяйства лучше всего мамашу держать. Мамаша старенькая. Одно-то, кони не померъ такъ либо пьетъ, либо бьетъ, либо на пѣкѣ кричитъ, да на ейни хлѣбъ рожетъ дѣлѣ. Такъ такая-то старушка при сыне, словно в рюю будетъ помышлять. Только что не бѣдѣ. Будетъ по устроитѣ, а что и сѣетъ то мѣробитъ.

Вотъ не знаю, какъ такая похоть по ученому зовется, чтобы такъ про мамѣ рассуждать. Ты словно зарѣ бесчувственный, только о тебѣ и думать. Разбѣжать-то тебѣ за себѣ приставляла. Да мы въ рѣдѣ думали, что рассудѣ, что и на светѣ тебѣ без насъ не было. А къ тебѣ в цѣркви Богу предѣла, а кто от себя послѣднее сражалъ, да тебѣ в цѣль твою не достигнуло.

сваха! Все мать же. Так ты ее похвалить должен, а не то что горю-
нов ее долги пользоваться, да за собаку при ребре держать.

Глаза закрыл торопю, про себя приговариваю ма-
машка, мамашка и как будто легче мне под то слово. А це-
пью то я. почитай, иначе как в материниве матери и не помню
мат.

Он дити не жалел не боишься их. А оно же много
иссяк. Оно навсегда жизнь бабы такая, да только на грех,
умнее она прочих была. Недовольная жила, сердце ссыхало.
Вернулся он к вечеру, да деньги оставить на карты стал. А се-
редняя дотла на то на деньги учителя жила. Она ругалась
она плакать а потом руки на себя и наложил к утру. Со слез
больше. ..

Моя мать любила, и никакого он горя не хотел. Отец
пьяница и любил ее, бывало до красна. Богу я молился, по-
снее вырасти «Постой, думай с...» узнаешь какого ма-
машку на кобы таскать. А вырос, занял. Сперва-то меня и
отец, и мамашка колотили а сейчас стили били за грех
такой, и то матери доброго. Вот те и заступник. ..

Мать горюха заискала. Близ цыганя матерь, стеной с
убилин, одной за другим пороги загубили. Слез не выплакала
кровью стала по последнему плакать. Скорбящая она была
матерь скорбящую и звать Тоскою та матерь всю землю
испугала. То спокойя вков материна скорбь набольшая.

• Стала матерь выть-причитать:
Вернись, глазок ты мой ясный,
Вернись, свет ты мой красный,
Вернись, ветер мой дольный,
Вернись, сокол мой вольный,
Вернись, цветик весенний,
Вернись, сын мой последний...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ТЕНИ НА СТЕНЕ.

«МОРСКОЙ БЕС».

ОТЦОВСКАЯ.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА: Ученик, Бес, Ангелы
и демоны.

УЧЕНИК. Писал, писал, а шпалочки — а де
скрученные из бумаги.

УЧЕНИК. Убедился, убедился!
Еще, придет же мальчишка на озеро море.
Тут бы мне и баклуши быть.
А учитель велел книжку учить...
Рву я, рву,
Просто и не знаю, как еще живу! У...у...у.

БЕС. Ты чего, ученик, горюешь?
Разве ты меня, Беса, не чувствуешь?

УЧЕНИК. А ты кто такой?

БЕС. А я Бес морской,
Ничему я, Бес, не учусь,
Никаких я грехов не боюсь,
Все сам знаю, все сам умею,
Некое дело я, Бес, смею.

УЧЕНИК. Ох, правда, ведьно, что-то как-то ты необычна,
Не бывают взаправду такие лица!

БЕС. Тебя, хочешь, я испугаю, а варюю
Вот он я перед тобою, такой точно.

УЧЕНИК. А что тебе, Бес, надо от меня?

БЕС. А буду я тебе, детка, рада...

Уж я за тебя потружусь, я,
А ты, как вырастет, отдай я,
А то такой уж я босой, просто обидно,
Да и перед ведьмами нашими все будто стыдно.

Вот я за усом и полез из моря.

Говори ты мне свое горе,

Помогу я тебе и в ночь и в день.

Ученик. Ой, Бесушка, учитья мне больно да.

Бес. А ты не учишь, братъ, со мною уж какая учоба

ученик. Да братъ, попробуй бранимъ меня охота бы.

Учитель. Ага! Это ты, ученик, Григорий.

А какое такое вон это самое море?

Ученик. Ой, ай, море это самое... оно... это...

Ой, Бесушка, помоги, не гнидел я съел!

Бес. Вот дурачъ, говори — море солоное,

Да большое, да синее, а не зеленое.

Ученик. Море, оно того, солоное,

Да большое, да синее не зеленое...

Учитель. Сам ты дурак большой известный.

Только что не солоним, а пресним!

И ученик ты, Григорий, а чисто горь

Ну говори, что такое есть море?

Ученик. Море оно того ой, Бесушка, беда!

Бес. Вот дурачъ, говори — море это рыба да вода

Ученик. Море, оно такое, что все рыба да вода

Учитель. По ученик ты съел, а чистая балда!

Задам я тебе, Григорий, вопрос,

А как не ответить, подставляй тогда нос.

Скажи-ка, ученик Григорий, какой есть на свете дрянной

злой вредитель?

Ученик. Это, это... ай, Бесушка...

Бес. Говори дурачъ—учитель...

Ученик. Злой вредитель, это учитель...

Учитель. Ну ты, Григорий, как себя оступишь

За это подставляй не нос, а лоб,

Может, и будет тогда из тебя толк,

Вот тебе, Григорий, шелк-шелк...

Ученик. Ой больно, ай больно!..

Бес. Ниче, брат, Учитель, довольно.

Учитель. Ну это что за болотная морюха!

Все. А по-якоже! Тот морской берег черта
 А вот за то, что ты Григорий маленько мучишь,
 Да путному его ничему не учишь,
 Задам я тебе, Учитель, с'езжу,
 Верхом на тебе маленько поезжу.
 Прии! Скок! Нбо! По хощ! Прии! Ут!.. Григорий
 Повстречается у этого моря.
 Приходи-ка ты сюда так повидается у
 И я на это самое место вернусь:
 На ту пору и сквитаемся,
 А пока, Григорий, расставемся.
 Забьет учобы, округ тоби поучы гляди в этом समयи
 й есть толк.
 Ну но, пош-ва-шанси. Учитель вот тебе щек-щель!
 Поехали
 В село Орехово!..

С БАРИНОМ ТИХОЕ ПРОЩАНИЕ.

ОТЦОВСКАЯ.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА: Барин, баба Ариша Мужик

Барин. Здравствуй, старуха Ариша
 Хорошо что ты на улицу погулять рыщала.
 Как будешь ты, Ариша до меня пригетлива
 И до всякого дела сметлива,
 Подарю я тебе алый платок.
 А не то, так заплатишь оброк.
 Как в губы—так купишь бусы.
 А как в губы—так до всего добрыя добуду я
 Вот давай-ка я тебя обойму,
 Тогда все это дело хорошо и поиму.

Баба. Ой бабюшка Барин не заман
 За белые за руки не хватай.
 А то мужа своего скричу,
 Он тебе и задаст харчу.
 Будешь ты тогда Барин и пьян, и сыт,
 По всем по статьям будешь избит.
 Барин. Да да-и-то муж больно плут.

Мужик. А вот он и мужик как тут.

Барин. Есть ты сними платки мужичка.
Заплати мне сразу весь оброк,
Сведу у тебя я последнюю скотину,
Кони ты мне не отдашь, жну свою. Арда,
Вольно уж мне твоя баба мила.

Мужик. Ока, доплати, Барин, вышн да мои ссн
Давай со мною, Барин, биться,
Кому с моею бабой ложиться.

Барин. Не хочу я с тобой, Мужик, драться.
А хочу с твоей бабой целоваться.

Мужик. Вот ты вьих и то мне на ло...
А потом и расцелуешь бабу горячо!

Барин. Да ты меня обмань, да смачишь
Мне с твоею бабою куда лучше.

Мужик. Да оно, конечно, с бабою сп...
Да только я с того года стану счастливым
А чтоб стал я, Мужик, довольный.
Видую я, любя Барин, прелестно.

Баба. Да и я, баба, еще подеоблю,
Задам таску адакому кобетю.

Барин. Экие вы черти босые.
Да разве ж я нас таких оспляю.

Мужик. А что бы стала Барин...
Вот тебе, Барин, не шло.

Барин. Брось, брось, сестри порок.
Не такого я, Барин, рода.

Баба. А чтобы стала ты Барин бегаться Богу,
Пачну я тебе, Барин, да оба бока.

Барин. Вот ядрёная баба, да Арин,
Дерется как дракон, а с виду хороша.

Мужик. Набожним мы тебя в христе и в грехе
Такой станешь хорошиш, просто нбо.

Барин. Брось, Мужик, брось. Баба, сдобна баба,
Да ну вас в болото и с бабой-то с меня поделитесь.

Мужик. Ну вот и дело,
Бегн теперь смело...

Вот тебе Барин тихо прощенье в твой барский сад.
Бей-ка ты домоч да и живи на свой лад.
На перинку ляг-ка,
Да и спи себе мягко.
Жри сладко,
С..я гладко
Весь день белый
Ничего не делай.
Одно твое дело — в книжку читай,
А уж наших мужичек не замай.
Твой-то барини больше при розе.
А наши бабы при лавозе.
У твоих барынь ручки белы.
А наши бабы при всем при теле.
Накось
Выкуси!

«ДВА КАМРАДА».

СОЛДАТСКАЯ.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА Немец и Русский

Немец. А, шки, шка, ши, шкот.

Русский. Вот хуеда у тебя, чиста вот

Немец. Камрад, Камрад.

Русский. Ну, знаю, что рад.

Немец. Ах, хаб, гав, ам.

Русский. Точно уж.. добушка дам

Немец. Ой, збу, лбу, дбу.

Русский. Ага, я си.. рубаху чтобы ему заш..

Немец. Ох, жбы, лбы, вбы...

Русский. Ну уж вот брат.. казен.. убо.. одет бабы.

Немец. Ой, швах, ах, швах.

Русский. Это он что св..то.. б..сон.. а.. я в сапогах

Немец. Эи, пат, ваш, хат.

Русский. Это он что.. сит.. так.. поры.. мот.. и.. слезы.

Немец. Ах, от, бот, хот.

Русский. Ага.. то.. чтобы.. помогиться.. на тебе.. про..-то.. в..

Ну братцы, прощайтесь,

Нас лихом не поминайте.

Это мы теперь с немцем друг-друга обнимаем,
Да и спать пойдем.
Война войпой,
А всем нужен покой.
Что лук, что перся,
Что русский, что немец.
Все спать-то радешеньки
Ну, братцы, прощайте охотничьи.
Пойдем брат,
Камрад!

ГЛАВА ПЯТАЯ

Лежит зарезанная девочка подков семи. Руки, ноги отняты, обокос в штаток заворочены кровью под печь наложено. Они да мы маленьку оттуда выводок. Водичник чистот, глаз горит волос дыбом в крови вымазан «Твое дело» Моё! Как так? Игралась бумажку какую то не да да брызнулась царя. Ласка ой ги руки-ноги топором и и обрубил. Не на всяком дитяти человек...

Деревня Волчиха это тихие семь деревень. Визжа фабричный городок, песни верет не будет. Как есть Волчиха, зимой все ки кругом. Даже ребят задируют.

Бабушка Секстия у нас родителю дочка около ребят лает. А ребят ссымеро, а отец — пьяница фабричный. Все Волчиханское такие мужики. После дачки субботы и пьяным-пьяно, на деревню всех саб да руги переколотят. Грудных и го и манурут. Стои стои в субботу-то. И Секстия злук не хажу тогда был. И жову и бабушку тиршил, моты жарко не быто. Оши на перебил он иришку сынка своего пятидесяти, и потам. Тот ро с мой смерти не разинался, месяца полтора. Как умер бабудика Секстия мизничик теших и то снята, да пьяному отцу в каше и скормил. Схинути стал перед войной осенью помер.

У нас деревня одна удивельную делью пивзми прина. Нахални сиротелен. Так и того соседи засмеяли, да тот с с м-ство дошло, что и того с с ушину хода не стало.

Дети в наших местах, словно прибои бисылет вод им. А корму мало да и пивство кругом дикое.

Почитай на пивток с ни выживет да и тот порох.

И вон как сюда инаи так из стации Нерченско сколько-то времени жил. Так чиговик оны туда на стацию пивство

мать приезжал и к праздникам. Как придет, сунет ребятишек соберет, и давая их водкой поить. Еще в водке хлеб намочит, да ребятам и скормит. Прорыются дети, кто плачет, кого рвет, а чиновник рад. Девченок раздеет, безобразничать учить одного мальчонку до смерти ополит. Так заплатил матери четвертной билет и опять за то же.

Была у меня жена вот как я ее уважал. Баба по всем делам хороша: и верная и работная. Попустил Господь, померла. Двоих ребятишек оставила. Взял я к ним вдову, да с ней и свихнулся. Да и то при нашей жизни деревенской, никак невозможно. Баба почилая под одним тулупом спит, кровь-то играет не перестарок. Ну вот что так ведьма... Слова не промотвиг все с криком да бранью. Детей до того докричала, равно чушь хоят. Голова не чья, одна баба на всю избу разоряется. И было бить куда тебя! Так стерва двинула, вижу не заступая детям. А тут воина, я и ушел. Жалко ребяток...

У меня соседка вдова. Нятерю ребят мал-мала менши, а работница-то одна она. На седе баба при мужике—володарь, а вдова-то одна... Что ни работа, все промж рук. Холод, голод. А тут пошны наппи ребятишки горлом череть. Так вдова та горемышная где померет младенчик туда своих несет, да на покойничку подушку и с тожит всех, чтобы зараза взяла, да не едут Господь, ни они не помер. А по едут-то почилая в каждом доме плач.

Голод выучит. Я вот дитё при дороге сныще ограбил. Спит дитё, чье не знаю. Никого по близости. Ихнее потерялось. Замученное, спит при дороге и хлеб под головами. А я хлеб взял сперва разломил. А потом подумал, не помирать-ли бородатому. А в дитё жизнь легкая. Да весь хлеб и унес.

— Нет мне лучше, как дитёю был, по грибы ходить бывало. Собреемся ребятки все с позаранку, с туманом в лес-то вкатымся, а к солнышку лукошко полно. Хлеба пожуеть, все леса пробредешь, на душе, ровно птицы поют. Места у нас.—грибов царство, где-где только гриб не лезет. Мокрый, и по шляпке гравияка, а то красны, что кровь. Дух от него, словно нутром

— Вот страх го я как впервые узнал! Гошкы три мис бить, что-ли, сижу я в траве, падаю сосу. И вдруг это на меня по-иному жук ползет. Ах ты силы светлые, почему мис тот жук страшен! Чернушши, большущи, ушущи шевелит, паны мохнатые раскинул, на меня затаил свои рывки и потос гуще грому подает. Да на меня да на меня и всю пору страх-то помню.

— Ишь-ища что ни кто-то бо-о-оу слова! Словно трубы архангельские. А по ишь-ище солдатыки убитые лежат и наши, и вражие. Сожгли еще духу поту белишь, потом на тебя тинит. А промель убитых дети бродят, пот ринуть. Баба как бежать, надумала зичи, она грудного на руку, а я того за руку. Матин отобьется и по хлебам и теряется. Вдохнутки и в трахутки. Красивые ребятки у них. А уж до того напугавшись, что и плакать давно забыли, тот-е пропал. Словно столбик, у них. Режак-то в гриме да слеза присохла. А у кого и кровь побилась что-ли. Мышь их да кормить сестры стали. Молчат, равно курны какие. Только уж верт через десять отойшли, опомнилась что-ли, робеть начали. Детям пиче...

Бывало, дитяти ложу и черз таку и с лампадку шуршеся. И что-что, как-то тихо сошнык из утробы моих пошныжу в том свете, черз дыртку тушью. А тогда вон и настоящего-то сидца не вижу, за маяти пошны...

Подобрав ся-то из саше, черз рукави кляю я его под-брос, сказать трудно! А вот я-то в е-де 18 верст до двези. Так так я с ним подружился, одарять дитяти не хочется. И тогда-рище от наслы слыи, пов-такит, водим а тут душа безпротору брошена. Ну, пача-тство доем-т-то оно чужавам нашим пошнычк...

— Заблал раз к нам ма-пчашка чен-то. Возьмишь, говорят, батрачить. Ма-пчешка подосток еще, годков десяти не более. Ну и работяги бел, взрослому не добрать. Равилье всех встанет, цор утляит, скотину обрядит, вода павосит, цвояц наколет, печь вытопит, когда и обед варит. До поздней до ночи без присесту ма-тсся с потухами встанет. Лет он как-то с тошатыми, да в рибячем крепком спелу моряи трудку и протавит. Помер к почин, схоронили так и не узнали — чей.

Ну как я посиблю, коль свою душу беречь охота. Не посибят. Тут народ сбился, тут-то и кричат, и поноуш мальчишки...

— Вот есть черныш в роще, у них как ребята при едущих малых останутся, сбьются хоботы. У одних на тот свет числами душишками одыни, а и на том же мучались. Там мать-то при таких порядках, сльк ило, отходит.

— Когда будет как похришму всем людям лодь устроено, и господам и расчему черыску, будут особн домс поделаны, для сирот. Приюды по приюты а рвнио бы рдмныи домк. Какая женщина протян инешлась, та в тот дом добром идет, и безмолрных сирот и учит и голубит. Ель и кивильи про это.

— А по мне ребятам все шло как жить, плохо или хорошо. Что он ревет, да плачет, так то видимость одна. А самое-то дело, что душа ребячья непритомленная. Всякое горе слезой смоем, и только радость одна. Что теленок, что лошенок, что кузенок, что дисенок— все молодь, сынышк м яны. А жите как,— то плевое.

— Я больше всего сердце на детей имею. И своих и чужих. Ну ничего я детям простиить не могу. Сделает сынышка не так что-нибудь, беру его за шкуру, и чем он больше кричит, тем больше сердце на него имею. А уж если выдираться начнет,— убить престо готов. Один раз даже судили. И когда сью мальчишка, так чем больше было, тем хочу больше сынь... И всегда до крови. Как кровь пойдет, тут мальчишка весь болями станет и только дышет. А крику нет: тут и я стихну, будто после сани хорошей.

— Одно слово, сироты рванная. И заметил я, братцы, что не на здоровьи это разум детей бни. Толку нет. Бывало мальцем вшкодьшь, так одна молитва— коль батя не выпрет того больше делать не стану, только продела Госночь, а конь-вышлет батя—так уж я с ед сацы канорю! Что смиряться-то, педоброе дело ребят мучить.

— Отец мой многодетный был. Я осьмыв, да по мне дв девчечки. Трудно было, пареньком бывало, на работе зарызы-

вался. Еще света не чать до петухов бужусь около скотники в хлеву заену. Сама, багало Крисуля берется, как-бы р-
бятчи руки—ноги не поотдавать.

— Я так его жалел лежу в калитке, а думка к нему летит. Что с ним, да как живет-растет. А письма наши, известное дело, чего не надобно выгону, то и написаю. Ото слово, «до земли поклои низкли». Правильно, что до сирой до земли. Читал я читал, да и думался только из-т-ра-ти сушки, что Милушка долго жить приказал. После поклои в-то низких за еще кланялись...

ГЛАВА ШЕСТАЯ

.

Пуссиш, и стал я смотреть зверей и птиц разных. Красота на свете нескладная. На лице и рде, ровно рдега небесная, и глаза у ней камни самцветные. А звери таки с сь, верить трудно. Вот тебе ты царь зверей. Округ ларот стоит, по пустому любопытствуют, а тот лежит, не шелохнется, глядит сквозь тебя, ровно ты место пустое. Свои что-то видит, но похожее. Сила чувствуется под шкурою такая, ровно стали лютая, и тишь его страшная.

— Не только что слова знала, а просто в глаза глядя, все наскрозь, бывало поймёт. Как кто пьяный так хвост под зад да и за дверь. А кони дёревя, да в добром духе так в ногах ютятся и даже к рукам прибавятся без страха. И так это она все хитро определяла,—ни разу с ошибкой не пришлось, хоть и нили всей семьей.

Иду тем темнее и холоднее что-то хляби лет в дворах, и звезды чистые. Иду, пожимаясь. С бабонка по за кустом скулила. Я цюкать, слышу, к ногам жмётся и скулила. Я её поймать поробую, не дётся стерва. Слышу, что махонькая. Я её ловлю, добра ей хочу, скулила и не дётся. Я так я едик вернётся стерва... Я прищелка да как хлябю по прёклятам та ещё да ещё. И пошел дальше...

Как я знаю, что в животном давши ногу так, значит и смерть ему причинила и грех кающийся не в чём. Скольнико времени на прощанье не надобно, греховного отмыливать не приходится. А оттого мы к животному такую жесткость имеем, что душа человеку болючая дёревя. Ему же по плечу на камень бездушными, и то души той хвостом и жёлтыми.

И у нас много зверей было, но такой умелой собачки не было. Как, бывало, притом так такая собачка тонкая, по лопу

знает, кому обиди была. И прямо до того и ластится, и ластится. Здорово животное через это страдает; человек в обиде хуже зверя...

— И кога привучить можно, только от кога ничто особенного требовать нельзя. Только, чтобы гладкий был да неслипел, да брюхо креп. Что кот что баба, все одно...

Заченны из зачехли, в мешке таком лежат. Вроде как-бы рыбьи пузыри. Как мешок вылез, так лопнул и зачехков в стороны, да вверх. Так они прыгали-то и научаются. И все прыгуны так, и блохи...

— И змеи страть боюсь. И как то на брыгана, итраючи, веткой размахнувся, а на той на ветке гадюка привислась, да мне за пазуху. И и обмор на то время час в горячке пролежал. С той поры и боюсь.

Судя в глаза глядя умально, задом крутит и голос тонкий подает, пивизнивает. Кобыль, тот козы гордее, разве что смущается, от любви носом в руку ткнет.

— А и кот не сладость, особенно кот черныи. В черном коте черная самая вод.— У него зуб когтяной, коготь роговой глы, острый, горло жабин а и рева бабин. Целиком в пекл вымешлен.

— Зинка серая—гусь, блещ. У него вся душа в лисяках, оттого он и быстрый такой.

— Один глаз у нее желтый, другой голубой, сама словно лебедь белая, и рески, на ней летая да летая, зю ушами башки цветной. Летит, на подушке пошны поит.

— Голубой я не очень люблю. Ница—видом с лисы будио. А приглядываясь, глаза у нее красивые и очень жадные. Крайсь голубь гордый и охочь, а уж жлоко себя боим вертеться, да неси играть,—так хуже жеребца стоялого.

— Была у меня тут собачка удивительная, Ш. шик, мальчик был. Ивашек си лапу перабины, болталась у нее одна та шерсть на ней онем ползющая, глаз вытек боковая была с

хозяина никуда не пошла, и спала со мной под шинелью. А как чмо-дан по соседству разорвало, так и она не вышла. Как задвигала она хвоста, сестенок шерстку изрысала, да на трех ногах такого латата издала, по сию пору не видно.

— Птицы вот по комы: здесь скучают. Я воль птице той охотник... А здесь нету птиц. Попост птица поделно и от выстрела охоту к местам этим теряют. Для меня, птичья тишина, словно гром... Я только к птице и ухо имею...

— Кто Бобков звал, кто... а не обижался. И ходила, аж отступала вместе. И вичаю не боялась. Животное у нас теперь первое дело. Душу мячит, зато и спасе, бо. Я не мучить, страсть как любил на сел. В дитя валишь—первое удовольствие. А тут отдашь свои хрипы и такому, и ровню опять человек...

— Смотреть-то не на что. Вещь вся в кулачок, голова бол-шая, глаза сердитые, хохлыся, и ла мает, ровно жабка, присаживается. А запост в глоты-то царские звоны, да ангельски голоса...

— До такой до чистоты только божья росой и можно домыться. И так, и так смеху подобно детскому радуется, за грешных за людей угощников плачи повторяет, пусть жилиськи забыть можно весь. И так долго, и наово поет, до умильных дум доводит соловей такой...

— Здесь скучно без птиц. Ребяню пору, не только что небоями, а и птичьей радостью вспоминать можно. Не пустят, бывало, тятка ночью по низам на чородах. Кусты бузина и самое птичьё удовольствие, водник кругом. Еше и солнца нету, а уж заны чирки птицы по кустикам и голоса пробавят зачит. У них на утре то-то свое солнышко имеют. Така радости от них, не смочь сослужу на те зовы звольше не авитися, не выдержат...

— Привет, привал веч р-темин, на ту пору и дума стала, грутая не радостная. Что один на свете, и холь здоров-велик, а без тастушки ровно камень придорожный: кто идет, ноги толкает. А зоря утр-ня, солнечный восход,—ина дума. Живи только, радуется человек, что души не лишит. Самому

жизнью радуясь Пущей войны, аль не война, — за плечьми ангел
хранит твою душу бережет. А ты всю радуешь, да жизнь всякую
возлюби...

.. Толпишь и не шелохнешься А жак на тебя и до того
завылый. Идет с плеч своих все смолот и ще не мизую на
букашку страху нагоняет. Малюга, от того от солныря, по
гравинке утекает, да в ямках хранил. А тот идет силой хва-
тисся, да спиной зеленой солнце перелбескивает!.. Люблю я
в траве лежать.

— К реке потянка бежит, деревьями устл на рёбно так.
Зелень по ней бархатная, и посреди ее ручеек тудаже в реку
бежит. Глазу слаще и сподручно на протопу эту радоваться.

Душа вольная, свет широкий —
призелени-зеленя, во полях, во садах
на яблоньках.

А по осени на рябинушке, на рябинушке,
на калинушке.

Душа вольная, свет широкий —
на грибной на златой шапочке, на лесной,
на спелой ягоде на всяком на шестико
лазоревои...

Душа вольная, свет широкий —
на либом на хвосте — искрсна, на дубинном
на лице — измлада на сном на уме издвнн
Душа вольная, свет широкий...

— Леса густые и прѣсны, как леса непрѣглядныя. Ранно
не идешь сквозь них а только го в пещ старинной постои. Та-
кой лес стоит: дѣрца в нем не боялися: сидят в земле той вели-
кая, лѣтнюю челоучью приволбуной здростит, сучьями зава-
лит и на сѣмом на палком на мѣсте ручей быстрины потопит.
В лесу том жизнь чужая не для ока челоучьего и цѣлнть
есть...

— Куда ночью снац уходит я не скажу Чего не знаю
того не скажу Только не верю я тому, что буд о мы от сонца
нами ночью отверываем я и что стѣтит оно тогда другим каким

местам. Не может того быть. Когда б и камни на земле говорить стали, и те бы солнца от себя не пускали. А уж тварь-то, живущая, без солнца, и Бога не увидит.

— Самое красивое на свете—на реке солнце встречать. Вымянет оно, туман взовьется. А огонь—солнце, ровно легким пар быстренко в высь вьются. Зальются пылыми голуби, искрочкой тварь разная под травками. И вода от мнотрой жизни зашепчется. Ровно ты при мире твореньи стоишь. Так и ждешь, Бога Отца ужаснуться...

— Хошмы круглые, все лесом покрыты букowym. И как идти по шоссе, так Хошмы те—словно огромные цветы соборны. Бук пострани, и жемчужины-то, и кровью отцвет, и зелеными до края, и весь—словно радуга. По шоссе идешь, как рую в кругу, а за красотой и усталости не слышишь.

— В я веришь, не веришь, а дышишь, земля. Только не всегда ты к ней стухнешь... Жизнь божно округ шуму делит, некогда ни о что прислушаться, претягаться. А бываю дни такие, и ночи особенные. Душа отодвигается от внешнего и слышит-видит, как земля живет, отдельно будит. Кончатся трясинами, паром-туманом дышит, и цветами-запахами около живого всего протаскивает. Свою жизнь мняю, что такую великую, что только путь на это у человека, а знания никакого. Вот, думаю, монашеское житье—настоящее много разяснить может, да где таки скаты есть...

— Все едино по твою. Скажут тебе. Только двояка какая. Стоишь, а одинако бывает всю свою жизнь, да и ту червь папаво выедают. А уж что-то... Если на свете ночь-день, есть и солнца входы-заходы, зори разные. И во всем, что человек различит. Душа одна, а во всем, что душа различает. Солнцем—радости да жизнью, с ночью—горе да смертью. Солнце, ровно материни рука, и твое прикроет. Ласку от всех навдет. Ты только глядя вокруг, да все примечая, много что увидишь. А то, «все едино», скажут.

— Закраснелось лесом, замшились дубы, пришла осень, да лесная, да душистая, да такая сошь, как-то—зиме впопугу.

Осень осени рознь. В одну осень содай холь и строго за
смотри, не все скрывается. А в другую — не видать солнечного
либа, и такая тинь да миза оттого — гибельная пора приходит.
И птица, и зверь, и растение всякое — мрет без времени.

Море я удыдел и р пог рист тэ зэм своим такая краса
божия! Только сдох пор стал я писанье хор шо понимать. Крас-
силье господней стал с понятием верить. Нашему брату пое вянь
да положь, а то и веры неймется...

— Горни трава по полю, а за тои по досою где черне лесно.
И будто во люди за тои по лесу в лесу. Однать, дельть нечто
ступил, робаю в мотылу. Черно, за ешиною огель по траве ше-
барил. Итер ии слово чин-то таво святиел. Изведя весь
вострапыл по расвету. И уж так я в ту ночь по солнца тоско-
вал, и до бесному жаворошку втру

— Сердц лета стало солнце огнестом. Злыи посохли и все
живое сухое и оплещенное ходило. На семью сvara, на избу по-
жары на скотину неюмт, на поля бедород. Уж такое-то зло
козь и солнышко зло.

Земля земляца, родимая мати. Ты породила ты прокор-
мила... Земля жить и наше уютит, земля и кати наши приодит.
Господь Бог — отец человеку, а земля — мать ему на веки.

— Как Господь ивстит солнышко и лесу холь и смох стал
по людям ивсти. Говорят что и солнцу умереть суждено. И
верпо, что к кому звет. Уж и нам и вь меньше боли смяться
стали...

— Сидит седенький старичек и заши и в ручисел. Не ви-
даль по нем, что чего выучить в силах... И присел и долгие
разговоры у них пошли. Научил меня всему... „Горе людское
что тень облачная. Пока не ослеп, все солнца яди. Придет
гучка, тылинег красное. Худе только одно — на жизнь ступу
быть, да солнце-радость забыть“...

— У нас вольнопроходлящие хорошо рисуют. Ну, все, что увидит, так тебе похожего изобразит. Ровно все тебе видно, одно и то же... Аж скушно станет...

— Лучше всего и сами наши. Попробуй чужим, на душе темным крыком рваное не, хорошо. Кое-каким солдатам придумал, самые умные человек был.

Почему это я, как мушкетеры слышу, плакать горазд?.. Плачу, словно ребенок. Что, что душевно жить хочешь, и птицей летал-бы... Словно Пасха.

— Уж такие тут цветы красивые, но хуже поля цветут, мягче луга стелятся.

Сказку сказывать,
Сердце радовать.
Песню петь,
Богу радеть.
Черно слово сказать
Свою душу вязать...

— Словом веку ведомо, но силу имеет тот и владеет. Только сила-то теперь из рук в голову кинулась.

— Помню, стою во дворе, как папаша лампу керосиновую привез. Запрещать не умели, с месяц во дворе керосином несло, и хлеб, и квас, и все.

А потом загорелась, так свечило стало и, да, рваное не к ночи будь. Из моего уха-бы, такая изба черная покатилась...

Я думаю так и после войны хорошо жить будет. Все выучились, что можно, что нельзя. Я первый, жив буду, так учиться стану, до голоду семью доведу, а выучусь. Жене придет, пусть она мне бастрыка принесет, а чтоб моих ребят учила. Как родит, не буду бить, а как мальченок не поучит, — убью смертью...

— Стоит стою, и с тем стою, а прочее я во всем, Доруги за сдобом разошлись, но и ради куда знаешь. Сиди, стал сказку вспоминать. А по сказке о том—куда ты был—вспомини, куда ни глянь—все дрянь. И я пошел без пути, по ссудке, да еще из присиды и фюралей. Чем сказки-то рассказывать, лучше бы грамоте выучили.

— Смотри, разве бы не пошел, мразь. Я и пошел напрямик, через пень доводу. А от меня все в той мере, мразь. Так я до сестры шел, и во зря. Вот и скажи, что озадачено.

В голове твоей брешь, вый в том бору из дупла. А когда свет в Силке, так на свету всякая нежить выдохнет.

— Вот ты учи да учи, так ну что дружишь с людьми. А он, в петраметном, мол, души нет. А какие, тогда, уютники то старинные, свиты духом были, а петраметны. А что, мол, по старине, тогда, говорят, другое с людьми-то сдруживалось.

Уж си меня пишывал, пишывал. До такого стыда доводил, топились я задумал, до того заботовал. А всего и вины-то моей было, что петраметны я, а так до всего работник.

Придумал я раз машину, сел на нее, поехал на две пачочки нажал и поехал. Это в тоске-то такой. Я уж и знал, что такие хорошие есть, настоящие, а до того сердце болело. Все думал, как устроить. Деньги последние фронт не жрут, не сил и выдамы. Только силы в моем теле. Дитя придет, а взрослый в щепу раздавит.

Кто в тоске-то был, знает, что такое тоска. И как она тоску и влечет. Хотел бы дом большой, городской. Висок в гору, красивый, в шик, роиное место, страшно, что простое, и грамотные. Поют по постройке тон мурашками, кладут камни и чужой ушке, пока им в тоске-то дом того красен и лад. А все рои мушки, набили себе за то срухо кашей от дома того опалася. И за избой свои курью.

А живи-то в том дому только учены люди.

Расскажи ты мне только, что такое это, про все знаю, где какие земли лежат, и что каждая вещь значит. Не могу и этого умом пронять никак. Мы от дедов чего повинуны, то и знаем. Вот я очень даже ясно знаю, что такое на том свете есть, это внушено твердо. А как вещь какую объяснить, и придумаю.

— Иде учить нужно всему. Как я понял, что я супротив супротивника не знаю, душа в пятки ушла. Книжки мои не хвалят обучиться. Да и ум-то во мне от возраста заматерел. Не сообразишь, разве что скорю книжку. Пусть уж детки наши обучаются. Только для того и дедов-то хочу в ринуется. А то так темнотой своей страшусь, помереть вперу.

Об наук я много и знаю, однако, все-таки разумею ровно чудо. Эта наука самая. Верно, так и в старину-то чудеса бывали. Кто попроще, за чудо считал, а кто поумнее, причину знали. Нашему-то боду темному, грех не велик науку хитить, а, вот, уж ученику человеку, совести нет, над простого над верой измываться...

— Думаю про себя, да терпи одна только и есть наука. А остальные науки только приглядят округ, да думают, чтобы обо всем про себя думать было записано. А главное то все тоже. Не проклявши без того, хоть как-нибудь грамотой

Иду хуже, как думь дала. А ученику, только одно и есть, кроме работы. Ученик, тот все знает, и читает по книге, что ему чужон тоик придумал. У него душа свободна. А темный все своим умом ворочать должен...

— Ит, книжки крысены, когда хорошо читать можешь. А книжки с картинками, так и с грамотой му радость.

Темным мы не постоим. Я с малых лет учение любил, сам себя грамоте обучил, а чужой помощи в этом деле не делал. Все мне учение было, а сапожники по быту, по колесам. А сн еще под себя ходил, а под ним с книжкою сидел. И дальше,

только захоти, до самого высшего разума доучиться можно. И при всем том, сволочей из них тоже много бывает.

— Чтобы поваял я, как жить, не меня одного учить надобно. Не прощу я, выучившись, что деды-отцы в беде темной сидели. . . Коля я своих русских жалю, и кровью к им теку, так на свет один идти не согласен, не совращай.

— Я как лягу, об чем думаю? Хорошо бы, всего лучше, чтобы я так быстро читал, как говорю... Господи, думаю, читал бы я тогда всю свою жизнь, и всю жизнь свою забывал бы

— Взя! я карандаш и стал писать как следовало. И увидел я—топорище куды к моей руке поприкладное. Упирился в тот раз, будто целую делянку и снял и выкорчевал. А уж кабы и столько раз топор из рук выронил, сколько карандаш-то тот был бы мне безногим калыком.

— Дурни все, которые безграмотные. Ты, давай, что такое прочесть? «Секла» замесит «стекла»... Так оно и верно, что пороть тебя надо. Сам бревно, и башка ..

— Друг мой, читал я столько, что теперь я тебя во сто раз умнее... И стыдно мне перед эдаким невеждой зазнаваться.. А душа у меня такая, что сама себе чести просит...

— Среди темна бора, среди темна леса, Зовутка живет. Слышит Зовутка вокруг себя, и вокруг себя, и поодаль себя. А как мал тот Зовутка, да весь в ногах. Ноги его долги, ноги его быстры. То тут то там, то по край леса. То по край леса то по край свету...

— Николи я так не потел, не трудился, как за букварем. Кабы не верил, что без того нельзя, тятка заколотит,—ни в жизнь муки такой не ис-бы. Выучил букварь, склады склады-вал, а запрется в тятло,—все забыл .. Рабочему мужику, грамота—тягота...

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

— Растеши, мамаша, голову кудрявую
Разведи, родная, грусть-беду лукавую
Притаилася, прихлилася,
Под сердечушко подкатилася.
— Ты спокаяся, молодой дитинушка,
Служба царская не по сердцу,
Служба божия опостылела.
Не твоя вина, не родителей,
Не людская вина душу выела,
Как пришла война по времени.
И по времени, и по всем грехам.
Больно много брали радостей.
По богатству, да по барству старинному,
Да по малю греха и по работничкам,
По работничкам и по плотничкам.
За хмельной за хлеб душу-тело продать,
Как душу крещену на пыкание,
А тело злой войне на истерзание.

— Ей Господи, тоскует душа моя тоскует, плачет
Плачет, своим горем хвалится.
Ангелы с небеси глас посылают.
Тот глас в душу залетает, душе мир проливает
Злу-диху думу душа забывает:
— Не плачь, мужик не горюи, не гордись долей горькою
Но ташь слезами душу сиротскую
На войне живу душу сберечь-собрать.
На миру за весь за свет муку-труд принять.—
Чем та доля не вынослива,
Чем та судьба не завистливая?
Вспомни Господа Иисуса Христа, и пречистую преправдную
муку его Господню...

Послал на нас Господь грозу великую
Ангелы архангелы не вымолили.
Матушка Царица Небесная не выплакала.
За грехи за смертные и смерть пришла,
Да не по одну по душеньку, по тысячи.
Да не по одну судьбинуюшку, по весь по свет.
Да не по нашей по волпошке, по божьейкой

Чудное чудо на нас нашло,
Страшное войско до нас пришло.
Пронесет светлу душу через ту череду,
Проведет добро сердце через ту беду.
По чужой по вине на гот свет иди,
За чужой за грех душой плати.

— Ах, у нас хорошо дома, я нигде не видал, чтобы так хорошо было. . Изба моя на реку, через реку лут видать, по нем бабы бывало, как цветы, платками на сенокосе зацветут... А дале лес видать, краем словно дымок бежит... Глаз-то разговнишь, не оставить. . Здесь мне только то и любо, что на дом похоже. Смотрю, похоже—красиво, а не похоже, так хоть алмазами уберу, не надобно...

— Девять дней у меня после пути оставалось. И с первой минутки тоска брала, что скоро назад надо. Ни часочку радости не имел... Сердце отогреть боялся, горя ждал впереди большего... Больше в отпуск не согласен. Бог с ним! .

— Грызла меня сперва тоска по дому. Все же я дремлю, да покусь, как там, здоровы ли, да не обидят ли кто, да денег ли хватка, да не очень ли по мне убиваются. Вскоре прищек дом забывать. Теперь только во сне вижу, зато каждую ночь. Встаю, так словно с палатой своих лезу. Да только не на свои подступ ступаю, во своим богам молюсь. А через часок времени отлежу, и опять чужой до ночи.

— Я раз был на том свете, с рыбьими выскочками ухватил головной крота в норе задавил. Так пока меня отгرفت я на том свете всего насмотрелся, только скажу правду—ничего не

помню. А знаю, было что-то как чумной лежал с нечего откуда земле не вернулся.

Молчалишкой мы его звали. Лицо у него доброе, а сила в руках была, ровно у богатыря старого. Оглобли делал, обиды ж не чинил никому. Так вот, видел я, что жизнь-то наша бестолковая, да и бережливая, из того молчалишника и выделалась. Угнали его за беспрядки. Сиделся, индем страшн стал, силашка из рук-то в дрожь перешла, и молчанье свое на последнюю на матерщину сменил...

— Он такие занятные истории рассказывал, рота то того смеялась, горе с ним забывали... Да так его любили, все жатели, ровно ребенка своего. А умирал, так Иван рассказывал, передать велел землякам, нам значит, — пусть, говорит, помнят, — что смешило, то не грешно. Пускай земляки меня за смехом поминуют. Смерть мне словно жена только с меня и не хватало...

— На паровоз приспособился я очень даже хорошо. Товарищи у меня духи были ребята, и погулять и поработать, все умели. И дружбу водить умели. До самого сокровенного умели дружбу держать. Они за кость не поругаются, нет...

— Замечательный он человек был. Близко его было и известно его было и не понять, что в нем за сила такая была. Хилый да слабый, на глазах очки, с рукою всегда. А душа скотная, жалостливая и болящую считал души брата...

— И ушел из своего дома от такой горькой обиды. Ушел, и десять лет не возвращался. Жил в общине своей бабьими и ребятками, никакой себе жизни не строил, только злое пораздумывать, да как домашние по нем клянутся-убиваются. И ничего об доме да семействе не знал. А через десять лет вернулся и видит: отец-мать померли, братья-сестры гниль свою съели и нищцы есть, а жена его двоих малых детей за собой водит. Вся семья роутки пустила. А в смутное время его одиночки да дедов — самые корни погнали.

— Дошлий народ трактирные. Он геби, за сѣмшину с бабкой родной спать станет. За медный пятак, и эдак и так. А уж за полтину, дугою спину... Заместо дупи, у него грош медный вытертый... Вот уж верно, что—в кружале жил, ума нажил. А как за порог, свиньєю лег...

— Сидит и на щетах щелкает, да ловко так, что баба языком Стою я, жду, а он щелкает. И так я долго ждал, что ноги замлеши. Самому жрать неча, а за чужими щетами родного человека на ногах заморил. Холодй чистый.

— Забудыта, забубенный человек, загульный, дух в себе не свой носит, а спиртовой. И такой человек за себя не отвечает. Не его воля—спиртова. А спиртик-дядя кашу в сурьез варит, по своему,—трезвому и не расхлебать бывает.

— Рости большой.—да не будь лапшой, рости верстой, да не будь простой...

— Пошел посмотреть, вижу, лежат они, холстом прикрыты. „Иди, говорят, можешь опознашь“. Я подошел конец поднял, глянул. Сердце мое упало, и вижу сразу, чье это дело. И нет, ведь, чего такого особенного. Лицом оба страшны, да уж чего в смерти напрасной красоте какой дивиться... И не в том для меня дело то стало. Да, словно криком вид ихний, такой страшный, кричал, и сразу в догадку стало, кто убийца. Отошли и сказал, правдой оказалось...

— Спит, бывало, одним глазом, особенно, что до хозяйства, до лошадей. Бывало, кто из ребяток, с полатей сквозь сон свернется, отец и глазом не поведет, знай храпит. А чуть только при конюшне чтобрякнет, хоть мышь со стрехи, сейчас руку в кожих, и нету его. За то большой двор скончил, и до сей поры один владеет и работой, и семейством всем. Крижастый старик.

— Глотнул,—больно, жжет, и свету в глазах не стало, а после, прошел огонь по всей по крови, прет смех из меня, ровно у дитяти малого, и все худое забыл... Так я пить-то и начал...

— И что от меня думает, не пойму. Умалчивает, и такой и сякой, немазанный... И умен-то, и добер, что-мол, плохо ждти такому орлу. „Иди, говорит за нами, мы русскому народу свет показать хотим“. К чему, думаю, речи такие?.. А как сидел на подсудной скамье, так сказать был должен, за что жидов гримил. Вот и сказал, что напаялся, правду сказал. Из суда домой пришел, хозяин бить стал, за правду мою... Говорит: „разв душу навимают? А что деньги давали, так то на прожитие... Бил и срачил, и в ночные поревел...“

— Завел ружье хорошее и стал что день на охоту ходить. Вот раз до вечера в белый свет, как в копеечку дробь шал. А к закату, с силами собравшись, хорошую дичину подшиб корове под хвост весь заряд влил. Так спасибо коровьему хозяину, отшиб парня от охоты, а то бы я всю деревню обеско-тинил.

— Связал он меня, привел в сарай, через балку веревку перекинул, за руки, за ноги той веревкой зацепил, — да брыхом вверх и подвесил. И стал вожжею по брыху бить. Долго мучал я потом, да и до сей поры я хилый. Отчим-то не отец, у него побой с вывертом...

— Меня пощ позвал и говорит: „грехов надоела ты больших. Умнее прочих, значит ты и в ответе“, . Кабы я знал, что беда удет. Шли-то мы, крови в уме не держали... Я парням сразу наказывал, не до смерти бить. А спустить такому смердащему, никак невозможно. . А пришли, да бить стали, пока кричал, так били, чтоб молчал. А как замоик, так какой в том толк... Так и убили. . А в душе того не держали...

— Сплю я на копейке, слыш—шуршит. Мышь, думаю. Шикнул, — не мышь, шуршит непрестанно. Я рукой сунул, и гадюку поймал. Как ужалил? Я — об сапог, а потом из руки себе здоровый кус и выкусил, престо сколько зубами захватит. Поболеть и поболело и к вечеру прошло. А то бы помр враз.

Забодал меня бык, над башкой подкинул, а потом башкой рогами мне кишки выпустил. Пополз я, кишки по земле волоку. Бабка надо мною „ах да ах“, тряпьем меня заткнула, да в боль-

ницу на тележке свезла за семь верст. И-то не в себе был, а бабка связывала, что докторши, трянь-то из меня выгаскивая, за-рекала,—умру, мол. Ан ешкыл и скоро выднелся, и по сию пору здоровый.

- - Выдумки, говорю, выдумки вражьи. Душа, да душа... А душа в теле хороша. А хорошо тело повсегда при теле. . Значит работай, округ себя смотри, и об земном пекись. А то душа, да душа, а сами ровно сваныи .

— Сказал он мне: „лови, мол, парень, всякую св ю думку, да разбирай, что к чему“. И стал я по его делать. Шу и работа, братцы... Думы мои, ровно ужил, склизкие. Только ухватишь, а она уж далече. А потом приобык, присмотрелся. И до того я, братцы, додумался,—главное, своя рубаша к шкуре поближе. А из-за такого-то клада, стоило ли в башке-то копать? Уда-кую-то думку и под собой высидишь .

— Ах Киев, Киев город... Больно хорош, уж так-бы там жил, вечно... Вот, говорят, грех без работы болтаться, а я так думаю, что работать грех... На то и солище на веба, чтобы ему радоваться, а уж какая это радость, когда горб от натуги трещит...

— Утомлялись мы на работах. Когда и по заповеди верили, что за труды много грехов прѣстится. А коли, вспомянешь бывало, что и согрѣшить-то за работои некогда,—так так на грех глядет, ровно ни гу на свете ничего греха милее. Надо думать, что через силу работать не очень для спасения души полезно.

— Сказывали так, жил человек суровый и строгий живши. И себя и округ себя все по закону соблюдал. И дожила гот челвек до смерти и попал на тот свет. А там его и спрашивают: „что, мол ты, батюшка, на земле делал“... „А я, говорит, закон соблюдал“. „А как же ты это, тядя, соблюдал-то“? — „А я, говорит, не крал, не жрал, под себя не с... с бабами не спал. „А ему и говорят: „плохо, мол, старче,—из твоего никакого дела не выкроить, а за то что ты все не так — так

и сиди, брат, на дне"... Да и покло на дно на самое и усадили
Вот те и законник.

Здесь я убьюсь, по головке гладят... Только пет от этого
удовольствия никакого.. Уж что хуже, душу человеческую
загубить, а уж губить, так хоть ч рез запрет... Много легче,
как совестью мучишься.. Всеи ценой за грех-то заплатишь,
и пет его...

— Эх жизнь духовная, и меза человека не иначе. Маре-
бец по церкви ходит, да в ризы святые рыгает с персеной. Нег,
ты мне монаха дай жизнью славного, тогда и веры гробни..

А у нас какой батя был. Сам матион, рет гостини
да жокрый, глаза косые. А бабы, бывало, ни одной не пр пу
стит. На стирку к себе зазовет, да и миг се по чм зря. Как
дознались, били его сильно и благочинному жаловались. Дво
тый пол был, вдовства не мог вытерпеть, крушил-мучил и по
несился...

— Сказываюг, для того выучиться хорошо осуждать мол,
переставшь коли все повяты будет в пору. А вот, я выучился,
вдвое осуждать стал, все мне памято сособливо грубость наша..
Ровно по ножам ходить стал меж грубости, как повмучался

— Дал заяц стрелача, а на встречу волк "Эх ты голорет,
дерьмо ты полевое, под ногой трава горит со стыда, что ты,
заяц, робкий такой. А я, волк, герой". И схрапел заяц. Но
кого съел, тот и смел, хорошо-го-то тоже мало.

Он свиней вода жирных на убой. И очень по делу что съел
портит. Первое, что только в жарив-то весь смак. Второе
нажива дурницей, почитай б з работы с соем, и моч отдаст
золотом получит. А третье дело— больно уж вт не приятно, и
свиньи-то, и сего-то, и дух-то пот. Так оскупилась душно.

— Завтра, братцы, иду я туда на базар, для свои смен
гостинцами разжираться. Куплю жеи колдх белни в етими
шерстями шигый, а даченк, игрушку-утуу выиг до того
хорошую, и нос алый и пижит, сам бы занялся.

Я семью свою повсегда помню, во сне вижу, на отдыхе
тоскою сохну, в самом бою оспротить жалею.

Спой-ка песню, канареечка,
Про судьбу мою злодеечку,—
Как на фабрике своя жилы рвал.
Как по праздничкам с бл..гулял,
Как жевался на немилушке,
Наплодил детей, словно ад чертей,
Пораздал детей по чужим семьям,
Колотил жену я аж до синя...

Матери хороши, а вот отцы—те чисто волчья кровь.
Сызмальства колотит да пужает, подростшего в самом сердце
бабой избодит, а как за старостью силы на злоз тышится, так
столько хлебу нажует,—целую семью прокормить впору.

— Заболел, сразу не в себе стал. Ничего, что есть, не вижу,
а все свое придумываю: что в тепле-то я, и при семье-то я, и
как коло меня домашние ходят, да всякое мое слово ловят.
А поправится, пары, да воздух под топор.

Напиши, товарищ, строчку
Моей мамаше про войну,
Продырявил враг сорочку,
И сорочку, и спину.
Как мамаше жалко спину,
А сорочки пожалчей,
Для чего с себя не скинул,
Поизранило б ловчей...
Напиши письмо, товарищ,
Ты моей верной жене,
Чтобы долго не тужила,
Не печалилась по мне.
Станет женошнику карячить,
Станет с горя распухать.
Девять месяцев проплачет,
А потом байстра рожать...
Что мамаша, что жены,
Все бабами рожены...

— Бывает так: только что хорошее с тобой приключится, письмо получу из дому, что все мол, в порядке, здравствуют, да кланяются земно,—душа отпустит, и пошел думки думать, да грехов набираться. Нет, человеку душу иметь нужно тугую, притянутую, чтобы об одном душа думала, только так и греху не быть..

— Не стигнет мужик русский со свету, крепко в землю вращен мужик. Земля ему мать-отец, война ему зол-копей

Сгорела изба моя, и амбар, и скотинка: коровка, да две овцы заводские. Остался я гол и наг, и только том не угодник божи, что семейства у меня семеро ребят, да мамаша слепая, да жна на сносях. А на счет мытарств, так хоть и святому великомученику в пору...

— Память у меня слабая. И вот помню все, что до хозяйства. А насчет войны, бей не бей, не упомяну. Сорок лет, почитай, мозги на одно патаскивал, а тут все другое. Кабы еще по душе было, а то я так рассуждаю, что русскому одно по душе, своим домком жить, по чужому не тужить.

— Меня такая обида взяла, на это глядящи. И не только что стены не валятся, пол деревянные. Электричество светит, садники есть, и картины, и все, как у настоящих богатых людей.. А потом, как подумал, что все это делать нам самим-бы пришлось... И так решил, что лучше престо, как свиньи, жить, а уж на вокруг себя силу тратить—не согласны..

— Ждать-ли мне теперь счастья какого, или радости, — нельзя... И должен я верить, что не для радости одной человек на свет рожден. А если я так верить не буду, одна мне дорога, без докаяния, — на тот свет.

— Хорошо жил я недолго, больше плохо... А теперь в люди попал, и нужен стал... Смерюсь я надо всем, и в Бога верить еще с пастухов перестал. Сказал,—ни верю, разрази!.. Гроза была большая, не разразил... А жизнь я не очень что-бы любил, и мамашеньку с мамашенькой за нее на спасибовал. Как кобель с сучкой, а ты что в аду горит... А на войне нужны

сидишь ты братцы, то ребятушки... Чую, выпустит мне Вильгельм кишки...

— Устать я жизнь свою по хорошему не могу. И не знаю, правду говорить, как лучше, чтобы приятности больше сделать. Есть да пить в досталь, — тоже до кука от сытости не малая. А как и душу, и брюхо сразу напичкать, не знал я. Не выучив...

Очень я люблю, когда у меня жар, и думаю, что болеть, что ку нужно. Вот я прежде никогда не болел, я боли никакой не верил. Теперь же все поднимать стал, и даже грамото охотно выучился...

Сны я вижу разные. Снятся мне синий лес. Все синее и листья, и земля, и все синее... А небо красное, как на пожаре... И по нему искры, как на пожаре... И так мне смутно... Закрою очи, и птицы синие из глаз моих летят... Так, одна за другой срываются, как пузырь мыльный, летит, и пугу...

Мне сны хорошие не снятся. Мать покойная зовет меня со двора. А я загулялся-заигрался, не-то и ботшой я, не-то дитя малое. Будто, с товарищами бегая, а водку в уме держу. Мол, в ловишки кого обегу, — шкалик. А маменька кличет, бити хочет. На крыльце стоит, сама как в гробу, на лбу веник, и руки крестом... И жаль мне, и поёти боязно... Не-то битья боюсь, не-то, что покойница...

— Смерти я больше по почам боялся. Как на воздухе полью ч уснешь, к работе глаза протерешь — думать некогда. А зимой ночь долгая, дух тяжелый, работы мало... Среди ночи, ровнотолкнет тебя кто, сна ни в одном глазу, словно и не было. Вот тут сердце застучит, аж руку тянет... Оно стук и руки с ним вместе... И уж знаю, что это я сейчас смерти бояться буду, а сделать с собой ничего не могу... Да и что сделаешь?.. Вот, что стена, вижу, не миновать же...

— Загудит жук, такого, мол, я шуму напустил, все верно попрягалось со страху, покружусь-ка я на просторе... А под

то шум и шип, и жуком из охоты. А ты шумом не шути и приглядки меньше проживешь, брат, долгие.

— Бабушка, бабушка прошу тебя учи меня Христа ради страшно мне смерти боюсь... Что мне на том свете будет? Приду я до раю спросят, что сделал добра?.. А я что сделал... — ничего. Коль работал сердце зlobой рвало, а я дышал — без просыпну спал...

— Зде-то по нутру получи. Брюхо устроит похоти, а душу-то звать уж на том свете насквозь проглотит.

— А и есть грех так в брюху. Мне смех больше как похоти греха бояться. А ведь грех-то кругом... Кабы за все углом и татиш, так и в раю ничего-бы не было. И святые углодики блоху давят, да травку топчут.

— А что-чего человек в брюху ни найдет да опосля змеи напакостят... Тоже не без греха...

— Одно есть на свете самое важнужное, по моему — чтобы те праздники были. Только ради праздников и труд-то подымашь...

— Нету радости мир от пустых дел, и всяких разговоров. Срожалась моя душа, в города в какого-то оборотилась, от здешней жизни тесной. Может, когда ня то и будут твои на земле свободно жить и друг об дружку, душу свою, по мамой натираты перстанут—а пока что, ровно в беду.

— Забежал козлик в лес и все с ним как следует. Сейчас что ему волк на встречу и стал козлика есть. А козлик тот по всякий был, больно умный, сейчас это он волку в брюху рога расправил, из брюха выскочил, да и стрекача, аж земля с под ножек-как горяча. А волк сел брюхо чистить, и думает — ну и наред пошел, ну и порядки. Заглотаю я его, как путного, а он окромя убытку, ничего хорошего...

— Сидит дедушка, дремлет, и кот при нем сказку зимнюю поет-урчит. Спрашиваю: «кой тебе годок дедушка?». «А сошны

лав" минул, за сто мис... „А как же это ты дедушко, зубов да волос не растерял? А я это, внучек, свои зубы с садом сажал, а волос с полем саял. И столько это я на веку своем дерев насажал, да хлебов насажал, что и грех бы мне перед Господом лысым да беззубым ходить“...

— Обычай сечь, в прощен день, по грехам у людей прощенья просить. А не видывал я, чтобы кто за грех за настоящий, при чужих просто спокаялся. Разве что баюшке, попишу. В нас грех бережется: помни, мол, сделал зло для души, не забудь стыда, да больше не грешь. А как на люди грех-то вынести, и стыд потерять можно...

— Все бедность. Мужик один молился, не доводи, Господи, до греха. И обвинял. Скотину у него свели, ну нет силы подяться. Гол как сокол. Да хоть бы один, а то семейство. Воровать на деревне опасное ремесло. Тут не до суда. Где поймали, там и без поща обошлось. Да и бедная наша деревня, не пользуется. И бился мужик эдак, честно трудился. Только до того озверел, ребятки его родные с ужасу в родном дому не почевали. Бывало, прибьются у чужого тыну, да дрожьмя дрожат. Забит их отец, совсем их закричал. . А баба его так и говорить забывала. Только, бывало, под иконою вопил, а то колодой-колода. Этому согрешить-то много, греха меньше на душу принять, чем в такой-то чести оскотинить.

— Сны — одна радость... Как не спишь, так не живешь.. Во сне дом увидишь, со всеми по людска поговоришь... Я теперь о чем молюсь, как люб-то перед ночью крещу? Молитвы отчитаю по положению, а потом, — люда, Господи, сн про дом.. Кабы не сны, и того тяжче стало-бы..

— Когда я утоп, то вот что увидел: набилось в меня море, все мои дырки и песку, и воды, и всего. И стал я толстый да красивый, глаза выпулил, язык высунул, брюхо горой раздул, весь срам наружу выкатил. Осклиз и разными пестрыми цветами раскрасился. И желтый то я, и зеленый, — чисто радуга. И стали меня, такого красавца, раки любить.

даны проклятию скоро бы отыгивая. А нас учить лбом
в стену бить, и то не научишь...

Иду мне веры в счастье тенью. Пускай, так и грех
об счастье-то думать в черныи год такой. Радости не с чего.
Да хоть бы годовой мне моту думалось. Хоть и похотела, и это
самому, никуда от греховных хворов, и деду его.

Завелся и тогда по тобою делю. Сильно с тобою за
судьбуху бьются тогда. Спина моя не по самой памяти
тонко, а по я знаю, что совсем печатан без памяти и с
прямой своей делами распростила. Верну, быль пошло.
А теперь-то все валь мире.

Грехи не по моему. Тоже что я не по твоему. Уви-
девши, что быль похотелось и не. Вон спанишка с
тобой в лок вытану, да с тобою в лок вытану и по-
блну. А ты не вытану. Случилось хулу, да ты с собой
вдья... За Богом греха нет...

И теперь тебе теперь запрет наложил на многие думы,
да только с делами. Крестом по твоему, и в тану не тану-
ство. Вон не тану, да ты с тобою. А с делами беру
ни перед людьми, ни перед Богом...

Запрет по делу моя дна и стрелы с тем. События то
да с делами. События они только, они не зодя и с делами.
А ни не в селении, а то хулу мое, да ты с делами. Вон
с тобой да ты. Цум с тобою, да ты с делами.

Ты с делами. Ты и не с делами, и ты с делами. Ты
с делами, хоть бы и в нужнике.

Земля моя, да ты с делами. Ты с делами, да ты с делами.
Ты с делами, да ты с делами. Ты с делами, да ты с делами.
И так, будто, он и знает дальше то, на хулина.

Хулины. Ты с делами. Ты с делами, да ты с делами.
Ты с делами, да ты с делами. Ты с делами, да ты с делами.
Ты с делами, да ты с делами. Ты с делами, да ты с делами.
Ты с делами, да ты с делами. Ты с делами, да ты с делами.

суду-то тучился И муть сдвинувшая тучка Встал от тучи
прежний ланол Мы с тобой в ковчеге и в пещере, Царя и цари
редкошь есть А на войну-то только с ширями да с ланками
живыми Мня-то с да-то выдворили мы не редко грашу старую
Какой я воин...

Ох и ах мне бесталанному,
Погляжу я кости узкие,
Погляжу—волосья редкие,
Погляжу я руки старые,
Погляжу я ноги мильные,
Погляжу я да подумаю:
Горько жить мне неудачному,
Ох и ах мне бесталанному...

Обман кругом да масть ты тучно, когда торжишь всему,
Вот птица досталась, сдается, порхает — заботы не дадут А вот,
как порхает, только брехло гонит И то так, и бабочка, с божьей
сущка, а ты думать рад, что это она со мной благодарствуй
Это все обман. А что в ринь, что в ринь на собор то словил
Только пасть моя пугает, чему верить в тучно божьей
Знаю, каковы божьек свую душу отринь мой, хотя бы с божьей
момо открылся поляны-бы твои, чему верить в тучно божьей.

И сестры, кулины бы, Ох, было бреху я боялся, Кос
ударил, ударку не, Сестра Здрь я слыш теряю от страха, И
смерть меня страшит, ми-лизи, да сестры тучи даи Вост
дом стыдят, труе мой Да ради я рад? Да я бы лань сестры
ровно дуровку, тучи, только-бы не бояться пате берите
Ох, я здесь сестры не ни мате мн-бы в да дур, по ринь
суплять Идето и рунь тучка.. Вот-де не божьей тучи
счастья...

Удолько мне сестры не здрь, а дурно мн-бы в да дур
тучь И не то что сестры, а ни божьей тучи, А то-бы мн-бы
сестры, и по пучку и рунь Хуже сестры, а то-бы мн-бы
паучила...

Сестры, божьей, сестры мн-бы в да дур, а то-бы мн-бы
до сестры тучи и божьей тучи Вост-де не божьей тучи

31. ПРОБЛЕМЫ ПРАВА И ПУБЛИЦИСТИКА ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ. В. А. Давыдов. Что изменилось в законе, что изменилось в практике? В чем дело? Успехи и трудности советского права...

[illegible]

Спрятавшись в дупло, что наверху дуба, скажу, хоть царя убьют, не скажу бывшему царю, такоско. Прислушайся, говори. И ему я сказал про Машку, что женился на ней, а поговорил хитро. А он спрашивает: «чи против совета шипит?» А я сказал, что по совету, а против сердца. Но совети — так и мору уед коча, а бывше Марии не люби, рече. А он говорит: «ладно, но совети я тебе не на битую, а на живую и востановлю, по совети... А и сердну — излювать, — да к пощаде в половку»...

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

.

Восходи-восходи, солнце ясное,
Восходи-восходи на подн-бесью.
Кровь—войну пригрой, повысуши,
Солдатскую долюшку повислушай.
Как и днь идешь, как и ночь бредешь,
Как ни дня не видать, ни звездочек.
Как нету ни роденьки, ни женьушки,
Ни родителей я ни детушек,
А как всем людям здесь судьба одна,
Как судьба одна, смерть—страшна война

— Сиди мужик, уймри душу.
Запрети мужик вольну думу:
Как не быть добру, не быть
работушке,
Не избыть той войны-сухотушки...

— Схорони ту войну-горе,
Работушка, широкое поле,
Приберите ту войну всев-тну,
Мужачки, работнички несметны...

— Сиди я ми, блявато, что во сего не тному, Господи,
оуди, нам покори я мы татом ничим всем добром и ситюю,
На уде и измываюсь я ниц нима бугно, Откуда что бредетя,
Няву бы шьюти таботи не придума, На яву-то сла такога не
вытерпеть. Допакли, значит.

Облак ходит, облак темный,
А у нас враг всеумный,
Не уймешь его шыком,
А уймешь его ужком...

За горой, за горкой
Варняк гуляет.
А я пожик заточил.
Он того не знает.

Будет мне, довольно
Барина бояться,
И с барыней перзенью.
Чтобы насмехаться.

— Давно мол, мне руку в поруку. Дает—смотри, коли мое
запишет рука бери свои орды. Не трогает.

— Не так ужичь-то довер стоит, а что выучивают. Не то
что работу какую настоящую спрятать, долги-руки и трудные
диз-ради твоих утомиться, так сама сама себе и на твоих
силах, и постелю им готовят

И чужие в твоих руках, а не по твоим орды. А как бар
родами я их в погреб, так словно турки сестры, а что япон
сидит, как турки. А как умирал, так сперва турки не трогает
орды, а потом подумал, а как я без них, а что и без них
Следы бон, а что и без них, а что и без них. И не о том,
пот отобьют.

— Ничего страшного, а что и без них, а что и без них. А как
сидит, а что и без них, а что и без них. А как
орды, а что и без них, а что и без них. А как
часы, а что и без них, а что и без них.

— И то, что и без них, а что и без них. А как
орды, а что и без них, а что и без них. А как
часы, а что и без них, а что и без них. А как
орды, а что и без них, а что и без них. А как
часы, а что и без них, а что и без них.

— Со своим бременем, а что и без них, а что и без них. А как
орды, а что и без них, а что и без них. А как
часы, а что и без них, а что и без них. А как
орды, а что и без них, а что и без них. А как
часы, а что и без них, а что и без них.

Денижку коло плиты,
Войну траншея,
Зато войну Елория,
Денижку по шее.

Кабы был я вестовых,
Жрал бы я, да лопал,
Да из бариновых ручек
Рюмашечку хлопал.

А то гордым я солдат,
В денижку налажу.
Я в окопу закопался
Да со страху . . .

Хоть я под себя,
И царев вояка,
А дядяк то при барине—
Ровню бы собака.

Спишь, мой дядя, будто я на баринстве бегу. И побить будто не люблю, не за что мальку бариницу любиться. А мы, дядя, строго стреля. Так строго, что и битого не води. А есть за что битого бьют, и ни за что рана не бьют. За то нежна, ровно цыган.

И ему всякая неловкость, а он „ах да ах“. А когда я ему, мы, будто слова баб перед глазами нашими в руку доним, что бы роды наши водные заговорит так и то поворит. Криво мы, да ахает. А того с переухи не стоишь. Какая же баба так? да и баба, скажишь, нейдет. А еще учены.

Праседа, хороши сказки. Все мы под те сказки на траве поцымались, да до вострогу дохнули. И праседа, праседа, сейчас.

Вот я каких ученых уважаю, хоть бы и за слабой. Ни тебе слова собачьего, ни тебе слова зверинца, ни тебе слова чужого, ни за золото не потонит. Сам-то я кто работы бы мне, за темнотою своей.

чистить и когда. А и то себя в главном сморщив. А они в ро-
боши по уши. Вела никакото, а все-то чистоты. — только что
но; потяжи. Сами же хвост свиньи во всякой молодости
барахтаются.

А звидио мне, си бо ах. Хоти бы роство так-то поблудовати.
Бомлат у тоби пять, а ти болю во всех комнатах мягкота и ле-
гота. Пока не роство вельно ты перыва нищем, — бока отледа ниш.
А уж еда и ужилты и уж баричини. Сего только — кнута ни
к чему.

Надо мнѣ чегъ ругаться,
Я царев, без голоса,
А ты дай домой добраться,
Не отдам ни волоса.

Сиди, чисти го...
Да кури до нощи
Ты на . . . сидишь нищий,
Как не дам я хлеба.

А ни хлеба, а ня льну,
Никакой скотинки.
Пропaday ты, баринчик,
Хуже сиротинки.

Мужик силу свою знает,
Дома работнице,
На войне он славный воин,
На деревне чаще.

Посмѣетъ въ гости съзвать своего сына. На такую ве-
сьму рожу. Дочь и мнѣ и не сестра. Но и вытану-
етъ и на рожу. Чего онъ сего? а что? а что? а что? а что?
на человека не брешетъ.

— А я бы не смог так жить. Дочь мне себя некуда. У них
и в родная. Вот у меня. — а душа-то о немъ си. а перуху
себе что и сдал. — а сего краснаго дитя. А — всх
и перуху — ахти ты. И по плечу онъ мне

— Уста я ему коршину перебирала, и что-то только там
и было. И все помнит как пастышка, только место берет. Ну, осо-
бно ему вы не там был ларчик показаны, полон драги в ящике.
Крани в том мире, но почтуй бабину и к Хвосту бы и все та
прини, для двух его бы двух ручек торопых. После работы, была

Вы военные студенты,
Вы какие интеллигентны...
Он не в книжку читает,
Он к сестриц все идет.
Ничему он нас не учит,
Коло барышню канючит.
Не работу работает,
!Борца он хвалит!

[illegible]

Гуляшки не гулякаст, аж тѣшино станѣт.

У меня-то офицер -
Словно бы картина,
Что сапожки, что бинты,
Разгром-машин.

Сам домой письмо так пишет,
 Сам с робкою говорит,
 На бумагу буквы пишет,
 Письмом словом не бранит.

Как письмо-то мой получит,
Ровно булка смикнет,
Сапоги с ногами стян-нутъ,
Так не шлет, а крик-нутъ.

то человек добрый, и не то что поповичи. И не порекаю
драться не станет.

А меня посылал царь. А ты не отпусти меня, говоришь,
«стму тая». И пошла сама вши смуты и преле. Гремлю озны
ковы, порываю чини. Чини чини чини. А перекрестил,
что в пекло, муки тако...

И ты не отпусти саму с собой. Ибо сядет, то того
и. И не отпусти саму с собой. А ты отпусти саму
три. Да не выпустя, даю срам. А ты отпусти саму
речи. Смотри, что ты. Ибо сядет. Выходи, что
ров, как боров, а и муя, что пуч...

И ты не отпусти саму с собой. Ибо сядет, то того
и. И не отпусти саму с собой. А ты отпусти саму
три. Да не выпустя, даю срам. А ты отпусти саму
речи. Смотри, что ты. Ибо сядет. Выходи, что
ров, как боров, а и муя, что пуч...

А вы не отпусти саму с собой. Ибо сядет, то того
и. И не отпусти саму с собой. А ты отпусти саму
три. Да не выпустя, даю срам. А ты отпусти саму
речи. Смотри, что ты. Ибо сядет. Выходи, что
ров, как боров, а и муя, что пуч...

Скоро помысли, что ты. Ибо сядет, то того
и. И не отпусти саму с собой. А ты отпусти саму
три. Да не выпустя, даю срам. А ты отпусти саму
речи. Смотри, что ты. Ибо сядет. Выходи, что
ров, как боров, а и муя, что пуч...

Скоро помысли, что ты. Ибо сядет, то того
и. И не отпусти саму с собой. А ты отпусти саму
три. Да не выпустя, даю срам. А ты отпусти саму
речи. Смотри, что ты. Ибо сядет. Выходи, что
ров, как боров, а и муя, что пуч...

И того в смор. И не отпусти саму с собой. А ты отпусти саму
три. Да не выпустя, даю срам. А ты отпусти саму
речи. Смотри, что ты. Ибо сядет. Выходи, что
ров, как боров, а и муя, что пуч...

в карцер, да опять бить. А вернулся, так надевались. Просто до ч-то плохо жилось. Здесь же я все прощаю, все вместе мучимся...

— Теперь опять же начальство. Ну пацаны, не без худа оно до тебя. А все польза от начальства немалая. Вот, он тебя, вперед всего приемам там ружейным да грамоте обучит. Оно верно, что нам без войны, на ружьи напевать. А за то, грамота после войны, первое дело будет. А еще кем мы обути одеты, да сыты Начальством. А что на наши же, на кровные, жрем, так то не всякий разумет. И, не первый, не добрый того только-то. У нас начальство стнять, что двери с петель снять. Но стержим да на непогодь а выскочим. Так типе

У нас офицер ни тебе учен, ни тебе умный, а словно пиджак выхаживает. За то до дела ни пальчиком. Ждем, как его бон испытает. А думать надо не быть клоуном соколом.

-- Расскажи, говоришь, где ты ее достал. Так и так, мол, говорю, шли сном, она и пристала. „На вот десятку: моя“! Где уж перечить. Отдать отдал а тосковать по ней равно по невесте...

Начальство, и большее и меньшее в карты дулось. А мы болты болтали. И очень я без грозного призора да без окрику понаторел и поуниел тогда.

Нет мне на войне жаль. И страшусь-то я, и каюсь то я. И все-то мне грехом выходит. Коли не покорюсь грех, а покорюсь,—так уж таких грехов наприказывают, хоть и не помирай после.

Истинная правда, товарищ, что терпеть скоро нельзя станет. Теперь тебя эн кличут, а скоро по собачьему на свистят приказут. Дал я себе зарок—до малого ерзку дотерпеть. А не будет перемены, начну, братцы, по уму бунтовать. Есть у меня человек один, обучит

— Весной к взводному жонка пробралась. Гладкая баба, в даску любит. А взводный у нас, ровно ерш, весь в перье. К ней

все офицеры похаживали. Он и заскучал Спереться-то не с кем: начальство. Оно на глазах у тебя с твоей же женой спать станет, а ты только молчи да сближайся... За то нашего брату перепадет. За каждого за прапора отстрадали. Бога молили, той бабе обратиться, только тогда он и стух малость.

Моя подвиг такой. Лежали под самыми длинными зарежделениями, и вылезти не могли четвертые сутки. А делали ровно гады, сухого места нет. К этому не притерпелся. А поручик * на проволоке завяз, как в атаку шел. Сперва просил словами, по именам выкрикивал... Носа не высунуть, стреляют. А потом только стонал да вадыхал... Это так четвертое суток, и все жив... Вот грех на Бога роптать а скажешь тут, для ча душу крепко держать, дами беречь-то се не велено... И не вытерпел, снят его. А довести не успел, ранили. Тут атака: взяли свои.

Отличать себя было невозможно. Кабы каждого отличать, так стесняющих целую армию держать надо. А оно и по карману.

Ваша работа говорит не видная как у солдата, не такая наградная, да за то святая. А храбрости сколько угодно показать можно. И Георгия нам повеселал. А этот больше, где графини, да баронессы. Он уж перед ними и так и сяк, а настоящих то под и не видит. Одно слово — фанфарон.

Купил я тут швейную машинку за накулак поглаждение, сама ту же цену выподному уступил. А теперь на той на машинке командирова жена строчит.

Слышу и звякнуло под ногой: я шарик кошель нашарил. Так чего-то я испугался — сердце стучит. И к свету, а там золотые, и не сосчитать сразу, ну за сто, да и только. Так вперел я даже и ничего не придумаю. И схоронить страшно, и выпустить жалко а чьи не знаю. Да не дошло тех моих мук было. Надо мной взводный дал в ухо по всю сумму и забрал.

Мы без офицера, что без головы. Да беда колы готова худя. Что хуже. У нас добрый был и не вишен а в морду бил. Правду сказать не барствуй. И не ем и сплю по ночам, а он

Соловьи, в домъ садившись, хвалятъ садовъ прохладу,
какъ и птицъ, даму съмелъ състать не съходячи. Ну не то
тогда, что бы садомъ баша не вьхотъ. Но не стазаль хань-отъ
мне довелось, избил-бы естерца...

Насъ, что и вь бѣдѣ, дажно стало добрьѣ конь, и
ошны-т по бѣдѣ. И то не то ка сь того ма, трехъ зубовъ поху
обрисалъ, уха прѣбѣдѣ не съмывно не вьтан, ничто. Вь то
гудитъ да болитъ круглыя сутки...

— Идетъ зима, и вь бѣдѣ, дажно стало добрьѣ конь, и
ошны-т по бѣдѣ. И то не то ка сь того ма, трехъ зубовъ поху
обрисалъ, уха прѣбѣдѣ не съмывно не вьтан, ничто. Вь то
гудитъ да болитъ круглыя сутки...

А покуда-то тутъ не вьтѣтѣ, дажно стало добрьѣ конь, и
ошны-т по бѣдѣ. И то не то ка сь того ма, трехъ зубовъ поху
обрисалъ, уха прѣбѣдѣ не съмывно не вьтан, ничто. Вь то
гудитъ да болитъ круглыя сутки...

Соловьи, вь домъ садившись, хвалятъ садовъ прохладу,
какъ и птицъ, даму съмелъ състать не съходячи. Ну не то
тогда, что бы садомъ баша не вьхотъ. Но не стазаль хань-отъ
мне довелось, избил-бы естерца...

Во нехотномъ я полку,
Ровно снопокъ на току.
Коли немецъ не колетитъ,
Взводный шкуру мне молотитъ,
Нодо мною ножки гнутся,
Все поджилочки трясутся...

Соловьи, вь домъ садившись, хвалятъ садовъ прохладу,
какъ и птицъ, даму съмелъ състать не съходячи. Ну не то
тогда, что бы садомъ баша не вьхотъ. Но не стазаль хань-отъ
мне довелось, избил-бы естерца...

- То, что ты стал едлив воле, из-за пределов. Ну, не робь без души... Он со мной, а не в одиночку. Будь неслышатель можешь...

Он не обещал. В нем есть свои беды. Изобилие
унылых, худых и рых людей. Всеядем кто научит, рок и
слушаем. Но, чтобы был мучитель и принимал бышишь-ам
берван, а то и ним не виль, билься. Да, об явиль - во
Боже сохрани...

Они и не могли и думать, что и познакомит с Сидором
Олегом СЕВУ-м или Сидором РИКОМ, что и в конце концов не смог
А. А. К. так что они со мной и не дошли до того, чтобы увидеть
его и на смертном одре не приобщиться.

Уж как любило быть в доме на Печерке! Не так
вызывалась из разинутых рук и бороз симулянт, при-
двурялось, будто. Стали два доктора разинуть ^{зубы} и сдвигать
и того, поворачивая пятачок. Тыкнули языком, да так разинули,
что кости подражали. При рожке. Употом поспешали и по-
ворачивать,—на одну атаку и такого хватит...

Ог, гол, по дининых ооаде боо у агага. Нои би га-
радох калод а го диногои поагаи оаби сдери дуады и
жагаи гигага. Числи агои анига дько оа дини, сам агу-
агаго анига не оагагага. Равага агуага агагага. Вага а-
гагага...

И бы сам такую войну Пасма, да сироту бы от
Черной на войну на править и другим зреть востанит. Да что
боям на боем сесте всем хороше дитюль. То ль и салубнито
тако на войну, тако доем на выдум мже. То ли сироту
доем бы, Хоти и не сесте просяки му привабыся а сироту
сказу—оно да сироту кою выки не бою.

[illegible]

Где-то стовно, с башки и — никому вещи и не росту. Выросли мы большо, души так и той не хватает.

Мы ужина не научились, а вот то, что из нас не вернется, — и нас многому учить будут. Из каждой овцы, — вышли мудрецы. На каждой из глубины, — ягода-матина.

Выравнивая нам путь, дорожки не будут нам ни ровны, ни буграков. И рязи, так и ту вымост. Только что народу до того времени спит, и какой-то человек и, тем путям ходить станет, — не придумаю...

Время пришло не обдумываешь какой-то не об устройстве думать. Нету силы, мечи человек, чтобы ту беду-войну петр-бить. И ту, той беду-войну конца краю. Так уж тут ли думки думать про хозяйство свое, да про удобное житье, како. Душу обдумав, на том свете только на и не все, и держится. А уж на этом то, нашей жизни не быть свету — радости.

Не терял я время, бо для миру стараясь, работал, собирал, копил. Бога молил. Думал я не навеки та война. А вот, как перевидал, мериваю, пнячи и потерял я надежду. Не вернуть нам прожитого и не стараться и собирать. Хоть скрозь землю все провалясь. Опомнясь человек, да поздно будет, ни пня не останется...

Что об этом говорить, разве нашего брата спрашивают. И дома учился, каждый день к Николаю Ивановичу ходил отдельно. Очень меня за способности любят, ко всему я был способен. Починять часы и то сумел сразу. Все понимает и то понял, что на войне не такие теперь люди пужны. Вот и я в пехоту, что нес на охоте. На дворе стужу, ничего не вижу.

Не тоскуя парочку, не того томиться, сколько твою судьбу увидет, самые пустяки.. Молод большо. Весь мир война рушит, так одна-то дупелька, ровно горошина в мешке, но водохвущинь до места дойдет. Только жизни соберет.

И такой глупый был, что спясть тожился, а руки на груди крестом складывал. На случай, что во сне представлялось.

5.567=

00000001689058